

دانی به مسجد روی می آورد. آنجا با جواد، مسئول کتابخانه آشنا می شود. او هم کتاب می
- اسماعیل که حالا با بیش تر و عقد تهران آشنا شده، می گوید همیشه خود را به جلسه سفا
ها و لگدی و پرسمه زنی در خلیفان ها به واسطه یکی از اشرافان طی خاندان در بانک
نتی وضع زندگیش بهتر از گذشته می شود. چیزی از شروع کارش در بانک نمی گذر
ود و دل به او می بندد. برایش نامه می نویسد و تلقی با هم صحبت می کنند. اولین قرار
نوا می رسد و کار به کمک کاری و کلاکتری می کشد و اسماعیل ضمن تعهد آزاد می
دانی به مسجد روی می آورد. آنجا با جواد، مسئول کتابخانه آشنا می شود. او هم کتاب می
- اسماعیل که حالا با بیش تر و عقد تهران آشنا شده، می گوید همیشه خود را به جلسه سفا

ИСМАИЛ

Алир-Хосейн Фарди

Амир-Хосейн Фарди

Исмаил

«Садра»

2010

Фарди А.

Исмаил / А. Фарди — «Садра», 2010

Эта книга будет небезынтересна всем, кого не оставляют равнодушными культура и история Ирана. Описанные автором с большой любовью окрестности Тегерана встают перед мысленным взглядом читателя будто въяве, а безыскусная история главного героя, равно как и обозначенные всего несколькими мазками, но весьма яркие и живые образы тех, кого он встречает на своем жизненном пути, заставляют искренне сопереживать им.

© Фарди А., 2010

© Садра, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Амир-Хосейн Фарди Исмаил

Глава 1

Волосы Али-Индуса – прямые и черные, как смола. Блеск их заметен издали, точно корова голову языком ему облизала. Лицо его – квадратное и смуглокожее, брови густые, глаза маленькие, раскосые, но венец всего – та самая индуистская родинка, которой Али-ага был знаменит: так красиво сидела она на его правой щеке.

В его кофейном заведении всегда было людно: тут и поденные рабочие, что шли трудиться спозаранку, и шоферы, и возчики, и, наконец, те, кто вечерами играл в футбол на пустыре рядом.

Некоторые говорили: мол, Али-Индус родинкой своей на хлеб зарабатывает, так-то он сам нерасторопен, другие придерживались иного мнения: мол, характером он добродушен и язык за зубами держит, потому и дело спорится. Наконец, была третья партия, убежденная в том, что Али-Индусу просто очень идет его улыбка. И действительно, когда он улыбался, родинка его смотрелась красивее. А улыбка, надо сказать, с его темных, пригожих губ почти не сходила. Как бы то ни было, но Али-Индуса в районе Гамбар-абад знали все.

Откуда он, кстати, явился, чем занимался раньше, – об этом в Гамбар-абаде понятия не имели. Семьи у него не было. Спал он один-одинешенек в кладовке своего заведения. Когда начинали его расспрашивать да лезть в прошлое, он мрачнел. Брови его сходились, и, пожав плечом, он ускользал от ответа. Любил он индийское кино – вот это несомненно. Как, бывало, объявят в рекламе индийский фильм, он тут же оставляет кофейню на Исмаила-синеглаза и прямо идет на сеанс – и ему неважно было, что за фильм, начался ли уже, он входил в темноту кинозала, садился на свободное место в первом ряду и погружался в море кино. Иногда смотрел один фильм дважды. И всякий раз, когда он выходил из кино, веки его были опухшими, а глаза – красными. Он говорил, что это, мол, от солнечного света, но ясно было, что это неправда – слезам он дал волю.

В кладовке своего заведения Али-Индус прикрепил к стене большое фото индийской киноактрисы. У нее были удлиненные большие глаза и длинные ресницы, а на лбу, в самой его середине, красивая родинка – точно такая же, как на щеке у Али-Индуса. И всякий раз, когда Али-Индус заходил в кладовую, он обязательно смотрел на глаза и потом на родинку этой женщины, и печально улыбался – такой же улыбкой, как та, которая тронула ее губы.

В его кофейном заведении имелся и большой старый телевизор, водруженный на квадратную железную опору прямо против буфетной стойки. Перед телевизором стояла деревянная широкая скамья, на ней был раскинут потертый и обтрепанный ковер. По вечерам ребяташки, в жажде мультиков и детских программ, как цыплята, мостились там рядом и – со стриженными головами, блестящими глазенками и полуоткрытыми ртами – таращились на черно-белую телевизионную картинку. Порой им так не терпелось, что Али-Индус был вынужден включать телевизор еще до начала передач. И даже приятный его треск и бесчисленные крупнозернистые помехи для этих стриженных пацанов были так волнительны, что они, в ожидании мультиков, пожирали глазами пустой экран с телевизионной рябью.

Али-Индус брал с пацанов по монетке – риялу – с каждого. О чае речи не велось. Он говорил: «Пацанам чай зачем? Ночью постель мочить?» – и смеялся. Темные его, с фиолетовым оттенком, губы открывали ряд блестящих зубов. Ему нравилось смеяться, потому что так он мог показать свои золотые коронки.

По утрам в кофейне бывало тихо. Позавтракав, многие сразу вставали и шли по своим делам-заботам, оставались только немногие пенсионеры. Они пили чай, предаваясь воспоминаниям о былом. Иногда усталый шофер такси резко тормозил возле кофейни, садился, развалился, на одну из скамеек или на стул, и ожидал чая от Али-Индуса.

Вот уже несколько месяцев в кофейне подолгу задерживался Исмаил-синеглаз: по утрам, ближе к вечеру и до самой ночи. Бритва недавно впервые прошла по его лицу. Глаза его были сине-голубые, кожа светлая, и, хотя он и не слишком заботился о своих каштановых длинных волосах, в небрежной красивости им было не отказать. Исмаил-синеглаз посещал клуб и там занимался культуризмом. И дома была у него пара гантелей, с которыми он стоял перед зеркалом, накачивая бицепсы и плечевые мышцы. Высокого, его отличала красота тела. «Исм-красавчик», так называли его ребята, но Али-Индус только про себя называл его Исмом-красавчиком; а вслух звал его Исмаилом. Но иногда и он так обращался: «Исик! Исик, дорогой». Сам Али-Индус был низенький и смуглый, а Исмаил, наоборот, высокий и светлокожий. Он был болезненно привержен к чтению – полицейских романов и любовных, а также журнала «Спортивный мир». Сигареты и кальян его не интересовали, а вот чай он любил, особенно чай Али-Индуса. Говорил: «Точно такой, такого вкуса, матушка моя заваривает». Приходил он обычно в районе двенадцати, занимал позицию возле самовара и разливал чай. Тут же, прямо около стойки, сидел за столом, открывал свою книгу, и голубые его глаза начинали бег по строчкам. Али-Индус, как увидит его, спрашивал: «Ну что, Исмаил, работаем сегодня, нормально?» И, как бы на самом деле ни шли дела, тот отвечал: «Нормально».

Вообще говоря, слишком много работы у них и не было. Когда Исмаил уставал от чтения, он смотрел из окон на лишённую растительности землю по ту сторону дороги. С трех сторон пустырь ограничивали маленькие домики, а с четвертой, с этой стороны – дорога. На обеих сторонах пустыря косо торчали столбы ворот – тут по вечерам играли в футбол. Но по утрам тут не было никого, разве что куры, петухи, да двое-трое пацанят, которые, в дышащих на ладан домашних туфлях, гоняли пластиковый мяч. Около полудня появлялся длинный Байрам. Он был местным гуртовщиком, гонял овец на продажу. Свое маленькое стадо он оставлял в тени стены, огораживающей пустырь, а сам заходил в кофейню. Они дружили с Исмаилом, ближе к вечеру оба играли в футбол на пустыре. Байрам был вратарем – конечно, по причине большого роста и длинных рук, которыми он, стоя на земле, дотягивался выше перекладины ворот. Но несчастьем длинного Байрама была его куриная слепота: с началом сумерек он переставал видеть и вместо мяча хватал головы игроков.

Он был преданным болельщиком «Персеполиса». Если была возможность, ездил за ними и в северные города, и в Исфаган, и в Тебриз. Из игроков «Персеполиса» любил больше всех Хамаюна Бехзади. Говорил: «Хамаюн, он и красавчик, и игрок думающий». Сцапает «Спортивный мир» у Исмаила, загрубелыми пальцами листает страницы и разглядывает фотографии. Увидев фото Хамаюна Бехзади, целует его и шепчет: «Красавчик мой, я – его слуга». Исмаил, бывало, выхватит у него журнал, ворча: «Не слюнявь, дай сюда». Байрам, взглянув на него, хохотал: «Ага, заревновал, ты ведь тоже красавчик, красавчик Исм!» Исмаил тогда отвечал: «Не вопи и не выступай. На, дарю тебе журнал. Он твой». Байрам брал журнал и тоненьким голосом возвещал: «О душа моя, Иси, благодарю вас».

Родни у Исмаила было мало. Его отец умер, и жил он с матерью и братишкой Махбубом, который по вечерам приходил в кофейню смотреть мультики. Махбубу сейчас шел одиннадцатый год, столько же было Исмаилу, когда умер их отец. В те дни повсюду справляли большой праздник. На перекрестке установили триумфальную арку. По вечерам красные, желтые, зеленые, голубые, оранжевые огни зажигались и гасли. В школе раздавали сладости, пели песни, танцевали, наряжались в цветные одежды, но Исмаил надевал только черную рубашку.

Говорили, что предстоит коронация шаха. Шах нравился ему. Его фотографии были в учебниках, его и Фарах. И тот, и другая выглядели приветливо, но шах был самым добрым. И

Исмаил говорил с фотографией шаха – говорил ему, что отец его умер. Он всем сердцем хотел, чтобы шах взаправду, а не понарошку слышал его слова. И тогда – он был уверен – праздника не будет. Не будет праздничных одежд. Фарах не будет краситься помадой. Не будут смеяться, и отключат радио – как Акрам-ханум, его мать, отключила радио и рыдала, не переставая.

Отец Исмаила был дворником. Это мальчик узнал не сразу. Вначале он думал, что отец работает в учреждении, уборщиком. Но однажды, когда Исмаил с матерью пришли на работу отца, он увидел, как отец метлой на длинной рукояти метет улицу и бросает мусор в свою тележку. Тележка была большая, словно машина. Исмаилу очень хотелось толкать ее, но она была слишком тяжелой для этого. Сил у него не хватало. Может быть, если бы она была пустая, он бы и справился. Отец не очень обрадовался, увидав их. Ясно было: он не хотел, чтобы сын знал, что он дворник. Но все внимание Исмаила было обращено на большую тележку. Он очень хотел бы пустить ее вниз по склону улицы. И чтобы, когда она разогналась, запрыгнуть в нее, и тележка все больше разгонялась, и ветер бил в лицо – и ему было бы хорошо. Но отец ни разу не привез тележку домой. И его не брал к себе на работу, чтобы покататься в ней.

Тело отца принесли в дом уже в гробу. Сверху была накинута толстая кашмирская шаль. Когда поставили гроб на пол, мать сняла шаль, и там лежал отец – такой же, как тогда, когда у него бывали приступы головных болей и он лежал, закрыв глаза, с лицом бледным и страдающим. Так же он покоился и теперь. Когда мать увидела его, вцепилась в его лицо и потеряла сознание. Махбуб перепугался.

Он все толкал мать и повторял: «Ты не умирай! Ты не умирай!»

Мужчины подняли гроб и повезли его на местное кладбище. Исмаил тоже поехал – в кузове грузовичка дяди по матери. Мать и Махбуб сидели в кабине рядом с дядей. Когда грузовичок поехал, в лицо Исмаила начал бить ветер. Исмаилу стало хорошо – как тогда, когда он мечтал сесть в отцовскую тележку и разогнаться под уклон улицы, чтобы ветер бил в лицо.

Когда могильщик своей лопатой заканчивал готовить могилу, Исмаил ушел прочь и, отойдя подальше, сел под тутовым деревом. Здесь текла вода в узеньком арыке. Подлетел и проворно искупался воробышка. Исмаил не мог плакать. Его сердце словно окаменело. Когда пришел дядя и, взяв его за руку, подвел к могиле, Исмаил смотрел перед собой сухими глазами. Дядя сказал ему на ухо: «Плачь, сын должен плакать по отцу». Но, как Исмаил ни старался, слез не было. Он стоял и смотрел, словно чужой. Отца опустили в могилу и стали сыпать на него землю лопатами – быстро-быстро, словно торопились или боялись, что отец поднимется и вновь пойдет на работу.

На обратном пути он снова стоял в кузове грузовичка, и ветер бил в его лицо. Было хорошо, но, сам не зная, почему, он оглядывался и все смотрел на кладбище, и сердце ныло – словно он что-то оставил там, и это не давало чувствовать себя по-настоящему хорошо.

Поминок ни на третий день, ни на седьмой не делали. Родственники и соседи заходили в дом, сочувствовали и уходили. Мать переживала. Она хотела, как все, устроить по мужу поминальную читку в мечети, но дядя считал иначе. Он шептал ей на ухо: «Я сколько раз говорил, а они – в мечети не имеешь права читать. Сам под машину попал, неровен час, поймут, понятно тебе или еще раз повторить?» Мать на несколько часов притихала, потом опять бралась за свое: «Несчастный случай, он не неверный, чтобы в мечеть не пускать. Клянусь Аллахом, мусульманин он был, в Рамазан намаз читал, посты держал!»

Постепенно их дом опустел. Иногда зайдет кто-то, прочтет поминальную суру, угостится финиками, поахает и уйдет. Раз, другой приезжал дядя и возил их в грузовичке на кладбище. На могилу установили простой камень. Мелкие рыжие муравьи, как первоклашки, тянулись в затылок друг другу, тащили свои белые личинки из маленькой дырочки в земле в сторону могилы. Когда мать лила на могилу воду, принесенную в бидоне из-под набатового масла¹,

¹ Разновидность растительного масла, распространенная в Иране.

муравьев уносила сель. Кладбище было далеко от дома, а машину нанять было дорого – и мать никак не могла их скоренько привести на могилу. В первые месяцы она на бедность сильно не жаловалась. Но потом стала делаться все беспокойнее. Говорила: «Поджаться надо. Бедные мы». На обед они ели халву из кунжутной муки, на ужин – чечевицу, которую мать варила на трехногом примусе. Исмаил в свете примуса лежал на животе и то ли делал уроки, то ли принюхивался к еде, ожидая, пока мать расстелет скатерть и позовет ужинать.

Дядя всюду, тут и там, хлопотал, чтобы выдали зарплату отца, но в конце концов объявил:

– Отказали. Он не оформлен был. Получал сдельно. А вам вот не причитается.

Мать, вздохнув, сказала:

– Несчастье это, ничего он не умел. А мне-то какой прах сыпать на голову себе и сиротам?

Дядя пояснил:

– Они наводят тень на плетень. Ничего толком не объясняют. А начнешь требовать – глаза вылупят и угрожают тебе. Слишком много, мол, говоришь. Мол, о своих жене и детях подумай.

После этого он больше не хлопотал. И мать не знала, куда податься. Писать она не умела и фарси как следует не понимала. Только сидела и, обхватив руками голову, рыдала. Не раз слышал Исмаил эти рыдания. И у него сердце уж так ныло. Он хотел сам рыдать, но не вышло это. Не нравился ему плач. И когда, сочувствуя и соболезнуя, гладили рукой по голове или целовали его лицо – не по себе ему становилось. И учиться, уроки делать не мог он: только откроет учебник – тут же зевота нападает, а потом сразу и сон одолеет его.

Когда прошло несколько месяцев, совсем к ним перестали заходить. Редко-редко дядя заглянет на минутку. Говорил, занят очень, грузовичок барахлит, много расходов на него. Тем не менее, он не оставлял их в беде и, когда бывал в их местах, обязательно навещал их.

Однажды, когда Исмаил вернулся после школы, он увидел у дверей дома мотоцикл «Веспа». Удивился. В доме услышал сильный мужской голос, говоривший: «Нет. Клянусь, никакой тут выгоды. Моды уже нет на них». В коридоре он заметил пару мужских ботинок большого размера, с примятыми задниками и острыми носами. Вошел и увидел высокого смуглого мужчину с круглой головой и волосами с проседью. Тот возился с мельхиоровым самоваром и приговаривал: «Сейчас самовары уже на керосине, угольных не берут». Мать была в платке, беспокойно глядела на самовар. В углу комнаты Исмаил увидел скатанный ковер, большой медный котел, станок для ручной набивки ткани. Все это были вещи знакомые. Станок в их детских играх изображал машину. Исмаил сажал в нее Махбуба и возил по ковру. И оба они жужжали, как мотор. Когда машина опрокидывалась, то-то смеху бывало! А теперь их машина шла на продажу. Все забирал старьевщик.

Исмаил разозлился, швырнул в угол комнаты учебник и тетради, которые достал было для уроков. Потом взял свои свинцовые биты и пошел на улицу. В разгар игры он услышал треск мотора «Веспы». Старьевщик привязал вещи к багажнику и увез их. Дым мотоцикла наполнил всю улицу. Исмаил сплющил зубами одну из бит и швырнул ее в арык, а когда Махбуб нагнулся, чтобы достать ее, пнул его под зад ногой. Тот головой ткнулся в ил арыка. Потом встал и, трясая над головой черными от ила ручонками, заплакал:

– Зачем дерешься, осел молодой, сволочь, все мамане расскажу!

Исмаил кинулся к нему:

– Сам ты сволочь, паразит!

Но Махбуб удрал, крича:

– Сволочь, зачем дерешься?

Исмаил не стал его догонять. Но все повторял:

– Сволочь. Сволочь.

Ни школа, ни уроки его не интересовали. Иногда он выходил из дома, но вместо школы болтался по улицам. Если были деньги, брал билет на автобус и ехал в городской парк и там

слонялся. Когда увидел, что на деревьях парка полно воробьев, скворцов, а голуби-сизари спокойно клюют на земле зернышки, он смастерил лук, рогатку и начал охоту. Это заметили сторожа, отняли лук и рогатку и накрутили уши. Сказали, если еще раз поймают за этим, он будет иметь дело с полицией. Это его напугало, и больше он с птицами дела не имел.

В северном конце парка, по ту сторону дороги, на дверях зурхане – спортклуба – висела большая чеканка цвета меди, изображавшая Рустама, который поднял и держал над головой Сохраба. Исмаил часто стоял за решеткой парка и заморожено смотрел на эту чеканку. Рогатый шлем Рустама, его раздвоенную длинную бороду и молодого Сохраба, горизонтально удерживаемого Рустамом, – все это он мог разглядывать долго. Ему казалось, что в конце концов Рустам устанет и бросит Сохраба на дорогу перед дверями зурхане. И однажды, когда он в очередной раз ожидал этого, вдруг его шею сзади обожгло. Он обернулся. Это была мать, которая замахивалась для новой затрещины. Но он не дался, рванул прочь и, пробежав между клумбами, скрылся за деревьями. Он слышал, как мать кричала: «А ну, стой! Куда бежишь? Безотцовщина и беспризорщина, вместо школы по улицам шляться?!..»

Обогнув большой пруд, он углубился в восточную часть парка, примыкавшую к судмедэкспертизе и моргу. Здесь выдавали покойников родственникам. По обеим сторонам дороги здесь было много санитарных машин и людей в черном. Он спрятался в самшитовых зарослях, и скоро увидел мать, которая шла, кутаясь в платок и глядя то в одну сторону, то в другую. Здесь же стояла женщина, которая все повторяла: «Мамочка, мамочка милая», – и редела. И он пробормотал сам себе: «Мамочка милая», – и не смог оторвать глаз от усталой растерянной матери, которая искала его. Сердце защемило. Теперь ему страшно не было. Он вылез из зарослей самшита и пошел к ней.

– Я тут, мама!

Мать повернулась и увидела его. Она не сердилась. Не ругалась. Не проклинала его. Она выглядела усталой. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом он побежал и ткнулся лицом в ее платок. Платок пах любимым запахом. Они сели на скамейку, вдвоем, он положил голову на материнские колени. Он устал, а сейчас сразу стало спокойно и захотелось спать. Мать, как обычно, наставляла, умоляла и уговаривала его. Говорила, чтобы он учился и не шел по плохой дорожке. В таких местах детей воруют, потом к наркотикам приучают. Тысяча бед на голову падет. Он должен учиться и делать уроки. Школу не пропускать...

Он молчал. Только слушал. Смысла некоторых слов не понимал. Он хотел бы, чтобы они вместе гуляли по парку, он лазал по деревьям, сбивал камнями ворон и гонялся за кошками, ловил сизарей и приносил их домой. И все, что говорила мама, он будет делать, за исключением учебы.

Глава 2

Школу он продолжал прогуливать. Да ведь и ясно всем было, что прилежного ученика из него не выйдет. Мать нервничала, умоляла, проклинала его, избивала, хватала его за руку и лично притаскивала в школу. Но школа была не для него. По утрам он выходил из дома и отправлялся бродить по улицам – от витрины одного магазина к витрине другого, с этой улицы на следующую – слонялся без цели, пока не наступал вечер. Тогда он возвращался домой. Еле-еле он перешел в пятый класс: директор школы благодаря своему милосердию не исключил его.

Однако дальше пятого класса Исмаил не продвинулся и так надолго засел в пятиклассниках, что вот уже и голос начал ломаться у него, и усы над губой проступили, как тень.

Мать махнула на него рукой. Сама сказала: «Как бы еще хуже не вышло». Главным образом ее заботило, как их накормить. Сначала она подрабатывала по соседским домам. Потом занялась сучением фитилей, потом портняжным делом, наконец, обряжением на праздники, и это давало больше дохода, чем что-либо еще.

Не прошло еще и года после смерти отца, как в доме стали появляться мужчины. Они не были родственниками или знакомыми. Приходили они, в основном, в одиночку – одетые чисто и заботящиеся о себе. Исмаил из их разговоров понимал немного, но видел, что мать садится от них на расстоянии, закрывает лицо, смотрит в пол и больше слушает. Говорит мало.

Мужчины эти улыбались Исмаилу, гладили его по голове, старались разговорить, но ему было неприятно. Хотелось, чтобы они поскорее ушли из их дома. Некоторые уходили и больше не возвращались, один-два приходили по нескольку раз – однако, когда видели, что им не рады, переставали появляться. Каждый раз, когда какой-нибудь из этих мужчин переставал приходить, в душе матери словно бы что-то рушилось. Она становилась нетерпеливой и раздражительной, из-за каждой мелочи поднимала шум, ругалась и, если он или Махбуб попадались под руку, била.

Ближайшей подругой матери была Махин-ханум, которая каждый день заходила к ним и, проведя у них в доме несколько часов, уходила. Женщина она была добрая, не оставляла их одних. Мать привыкла к ней, как и Исмаил, и Махбуб. Если она вдруг не появлялась, в этот день было как-то пусто. К собственному мужу у Махин-ханум сердце не лежало: тот каждый день являлся домой пьяный и устраивал скандал. Он собирал велосипеды, но все, что зарабатывал, тратил на водку и домой являлся без гроша в кармане. Звали его Аббас, и он в минуты пьяного краснобайства называл себя «Аббас-одиночка». Кажется, у него не было родственников, а если и были, то не показывались возле него – может, он их не особо и звал. Детей у Махин-ханум не было. По ее словам, врачи сказали, что вина тут – Аббаса, а сама она здорова. Она была болтушка и хохотушка, голос ее за несколько дворов слышался. Все больше на то сводила, как петухи обхаживают кур да как воробушки чирикают. При всем том в глубине ее души было что-то мрачное. Оставаясь одна, она подолгу сидела, обхватив руками колени, уставившись в одну точку. Если никто не звал ее, она могла долго оставаться в такой позе, потом глубоко вздыхала и опять возвращалась к пустому похихатыванию, взрывам смеха.

Казалось, Махин-ханум вообще не умеет говорить медленно. Все, что приходило ей на ум, она быстро-быстро высказывала. Быть может, именно она стала причиной того, что у Исмаила открылись глаза и уши: некоторые из женских тайн Махин-ханум так громко выбалтывала, что он все слышал, и любопытство его росло. Он понял, что эти мужчины приходили свататься к матери, их целью было – стать ее мужем, занять место покойного отца. Мать высказывала Махин-ханум откровенно то, что лежало у нее на сердце. Советовалась с ней. Мать не хотела выходить замуж, но Махин-ханум подталкивала ее к замужеству, говоря: «Завтра, когда сыновья твои вырастут и женятся, ты поймешь, что я была права. Безумная ты, к тебе ведь тогда ни один мужчина не подойдет. Пока ты молода и красива, дай согласие одному из них, возьми его

фамилию...» Мать не соглашалась: «Не хочу, чтобы ребята попали под руку чужого, я сама их выращу». Махин-ханум раздражалась, надувала губы и говорила: «Вишь ты! Не выйду замуж, не выйду замуж! Да и не выходи, так и будешь гнить до старости!»

В те дни, когда Исмаил услышал это, у него уже начали пробиваться усики. Голос ломался, как у петушка. Махин-ханум приходила летом и сидела на половике в тени тутового дерева. На ней была тонкая рубаха, платок она снимала. Волосы ее всегда были короткими, выступившие от жары крупные капли пота дрожали на ее лице. И Исмаилу совсем не хотелось куда-либо идти. Хотелось оставаться сидеть рядом с ней, смотреть на нее, слушать ее слова. Порой мать хмурилась и говорила: «Вставай, иди на улицу играть с ребятами, что уселся тут?» Он нехотя поднимался, делал кружок по улицам и опять возвращался к Махин-ханум, исподтишка пожирая ее глазами.

Однажды он не успел спрятать свой взгляд. И Махин-ханум поняла. Рассмеялась. Взъерошила его каштановые волосы и сказала: «А ну, Исмаил-красавчик, глазки-то скромнее сделай, куда это ты пялишься?» И она попыталась натянуть свою тонкую рубаху, чтобы прикрыть голени. Вскоре, однако, она вновь расслабилась, рубаха поползла вверх, и ноги обнажились. У Исмаила кружилась голова, и он не знал, что делать.

Однажды ночью во сне он почувствовал, как ему стало горячо, словно он окунулся в кипяток. Он сразу проснулся. Он горел. Намокло все, как в те времена, когда писался по ночам. Перепуганный, он встал с постели и пошел в уборную. Он не мог понять, что случилось. Боялся, что мать узнает. Ему было стыдно.

Махин-ханум однажды посмотрела на него и сказала:

– Исмаил-синеглаз, уж очень ты красив, женись поскорее, я тогда станцую для тебя.

Он нахмурился и ответил:

– Я не женюсь.

Она удивилась:

– Ох, почему же? Все ждут – не дождутся жениться. Хочешь, сама для тебя расстараясь и невесту найду?

– Не хочу!

– То есть как же, не хочешь жены вообще? Не женишься никогда?

– Женюсь!

– Так скажи, на ком, скажи, чтобы я знала!

Исмаил с трудом сглотнул слюну и заявил:

– Я только на вас женюсь, а больше ни на ком.

Когда он это произнес, слезы выступили на его глазах. Махин-ханум ахнула. Потом расхохоталась и прижала его голову к своей груди, лаская его волосы:

– Убей меня Аллах, ты мне сделал предложение, красавчик-синеглаз? Но я ведь тебе как мать. Я замужем. Не могу я выйти за тебя.

Исмаил положил голову на плечо Махин-ханум и, всхлипывая, заплакал:

– Значит, я ни на ком не женюсь. Вообще не женюсь!

Махин-ханум по-матерински ласкала его.

– Ну хорошо, давай-ка не плачь сейчас, придумаем что-нибудь. Времени у нас много. Ты должен вырасти большим, высоким, стать выше меня, иначе гости засмеют!

Слова Махин-ханум успокоили его. Он почувствовал себя счастливым. Вскоре, найдя в уличном хламе старое заржавевшее кольцо, он тщательно отполировал его, вприпрыжку подбежал к матери, сунул ей кольцо и сказал:

– Отдай его Махин-ханум.

– Зачем?

– А мы хотим пожениться. Она согласилась.

Мать рассмеялась и сказала:

- Поздравляю вас, и живите вместе до старости. А когда точно вы поженитесь?
- Как только я вырасту большим, выше Махин-ханум. Тогда мы поженемся.
- Раз так, отдам ей. Но и ты будь разумным мальчиком, старайся расти побыстрее.
- Хорошо.

С этого дня он стал стараться быстрее взрослеть. Стоял перед зеркалом и возился со своими волосами. Как хотелось бы ему, чтобы поскорее усы выросли, борода появилась! О женитьбе он больше не заикался. Перед Махин-ханум теперь было стыдно. Он держался от нее подальше, а вот она не отставала от него.

- Что случилось, Исмаил-синеглаз? Слово свое сдержишь или нет?

Он смеялся и уходил: не хотел быть объектом ее насмешек. В то время он увлекся девочкой одного с ним возраста и тоже синеглазой – и решил вместо Махин-ханум жениться на ней, особенно потому, что у нее цвет глаз был, как у него, сине-голубой, и лицо светложее. После уроков он стоял недалеко от школы, ожидая, когда появится голубоглазая девочка, посмотрит на него и пройдет мимо. Перед тем, как прийти туда, он заботился о своей внешности – мочил и причесывал волосы, закатывал рукава рубашки, чистил обувь и брюки. Он стоял и крутил вокруг пальца тонкую цепочку, прислоняясь к бетонному столбу и насвистывая, не сводя глаз с поворота улицы. Голубоглазая девочка появлялась с подругой, а когда видела его, начинала шушукаться с ней и все время подбрасывала волосы движением головы. Исмаил быстро-быстро накручивал цепочку вокруг указательного пальца, потом разматывал и начинал то же самое сначала. Он знал, что голубоглазая девочка все это делает ради него, и говорил сам себе: «Два голубых глаза плюс два голубых глаза, получится четыре голубых глаза!»

Дома ему не сиделось. Как тюрьма ему был дом, неприятно там было, и он только ночевать приходил. Мать сердилась: «Если тебе есть, где жить, так и на ночь не возвращайся!» Она попросила Махин-ханум, чтобы ее муж окоротил Исмаила, чтобы тот немного взялся за ум и не шатался по улицам. Аббас-одиночка сказал: «Пусть приходит ко мне!»

И вот однажды, когда Исмаил стоял на улице, привалившись к бетонному столбу, и крутил свою цепочку, его увидела Махин-ханум. Подошла и спросила:

- Эге-ге, Исмаил-синеглаз, это какую же девочку ты выслеживаешь?

Он смутился:

- Ей Богу, ничего я не делаю, просто стою тут.
- Красавчик-синеглаз! А то я не понимаю, зачем ты тут стоишь, а то я глупая!

Он повесил голову, боясь встретиться взглядом с Махин-ханум.

– С завтрашнего дня начнешь ходить к Аббасу-аге, будешь велосипеды собирать. Понял, голубь? Мужчина должен трудиться и зарабатывать деньги, а не стоять у бетонного столба и глазки строить. С завтрашнего дня – понял или нет?

- Понял!

Так он стал работать в велосипедной мастерской вместе с Аббасом-одиночкой, угрюмым с утра до вечера. Только по вечерам, когда он шел в винную лавку и покупал горячее, Аббас становился немного веселее. Несколько раз, когда руки были заняты и сам он не мог сходить, он посылал Исмаила. Окна винной лавки до верха были слюдяными, и не было видно, что делается внутри. Вначале Исмаил боялся заходить. Но когда он несколько раз сходил туда и вернулся с выданным ему пакетом, страх исчез. Он уже спокойно шел, покупал, что надо, и возвращался. Пару раз он сунул нос в этот пакет, который нес для дяди Аббаса...

Аббас-одиночка с самого начала работы так заявил ему:

– Значит, цыпочка мой, не дай Бог ты еще хоть раз пойдешь по девичьим делам. Ты еще мал для этого, молоко на губах не обсохло. Это понятно тебе?

- Понятно, дядя Аббас!
- Тогда берись за работу!

И он взялся за работу: закрепить звездочку, накинуть цепь, накачать шины, выдавать напрокат велосипеда...

Велосипедная мастерская Аббаса-аги находилась рядом с пустырем, на котором мальчишки играли в футбол. Сам Аббас-одиночка очень любил футбол. В мастерской висело несколько больших фотографий футболистов. Когда у Исмаила не было работы, он бежал на пустырь. Немного поиграет – и вернется. Аббас видел это, но молчал. Только иногда, когда бывал совсем не в духе, ворчал: «Ну-ка, цыпочка, не отлынивай от работы, что тебя как за штаны туда тянет?»

Но в глубине души он одобрял то, что Исмаил играет в футбол. Наблюдал краем глаза за игрой и говорил: «Если этот цыпленок соберется с силами, из него выйдет толк!» Несколько лет спустя Аббас-одиночка продал свою мастерскую и переехал. На его место пришел Али-Индус и превратил мастерскую в кофейню. Все изменилось, кроме Исмаила, который привык к этому месту. Только теперь он приходил в кофейню. Иногда он вспоминал Махин-ханум и Аббаса-одиночку и глубоко вздыхал.

...Была уже глубокая ночь. Кошки, словно мягкие скользящие тени, перебежали через улицу и прятались под машинами. Людей на улице не было. Исмаил несколько раз постучал в дверь. Никакого ответа. Он посмотрел по сторонам, отступил назад и, разбежавшись, прыгнул на выступ стены. Уцепился руками за ее верх, подтянул ноги и опустился на землю уже внутри, скользнув между опорами виноградных лоз. Постарался приземлиться на пальцы ног, чтобы не шуметь. Некоторое время сидел на корточках. Огни в доме были погашены. Мать закрывала от него дверь во двор, чтобы он приходил раньше, но он никак не мог. После того, как Али-Индус опускал жалюзи кофейни, у них как раз и начиналась поздняя жизнь.

Проводил время он все больше с Ильясом, который несколько месяцев назад вернулся из армии и по вечерам брал «Пейкан» своего отца и подрабатывал извозом. Они с Исмаилом сдружились в кофейне Али-Индуса. Поздними вечерами Ильяс сажал Исмаила сбоку от себя и выезжал на промысел. Говорил: «По ночам самые те, что надо, пассажиры: поддатые, обкуренные, головорезы, воры!» В одиночку ездить он не хотел. Исмаил говорил: «Ночи мне нравятся, хорошо время проводим!» Ильяс был высокий и слегка тощеватый, с круглой головой и курчавыми волосами, с добрым выражением карих глаз. Он отличался от других тем, что читал много книг и много ходил в кино. Фильмы ему нравились все: и иранские, и иностранные, а что касается книг, то он читал только романы: полицейские, любовные, исторические... Любил также журналы и тому подобное. И этими своими привычками он заразил Исмаила: тот тоже пристрастился к чтению и кино. Ильяс говорил: «Я либо писателем стану, либо режиссером. Вот увидишь!»

Их друзьями также были Сабах и Мохтар. Первый из них был полностью поглощен музыкой, так что даже по столу отстукивал ритм и тихо напевал мелодии, а второй увлекался культурным туризмом и каждый день ходил в клуб. Сложен он был хорошо. Сабах звал его красатулей. Он сцеплял руки замком на затылке, выпячивал грудь и ступал четко и размеренно. Исмаил познакомился с ним в клубе.

Тот говорил: «У Исмаила-синеглаза классное тело, просто Геркулесово, жаль, что он сам не понимает свою силу, только гантельками крутит». Исмаил как-то ни к чему не прикипал душой, все время перепрыгивал с ветки на ветку. Ильяс говорил: «Я из этого синеглаза сделаю человека. Он зацепился за Али-Индуса и думает, что свет клином сошелся на его кофейне. Нет, парень, ты высунись наружу, узнай мировые новости!»

...Исмаил медленно повернул ручку двери, ведущей в коридор, и нажал на нее. Заперто. Стучать и будить мать не хотелось. Боялся – поднимет крик, шум, будет скандал... На расправу она была коротка. А он что возразит? Решил лечь спать во дворе.

Летний воздух и по ночам был жарким. Он разделся. Выбрал место возле горшков с цветами. Однако было жарко. Липкий пот, словно жиром, покрывал всю кожу. Он поднялся. В углу двора у них имелось крытое водохранилище. Даже в летнюю жару оно оставалось прохладным и так и манило искупаться. Он поднял железную дверцу-крышку и осторожно стал спускаться внутрь по ступенькам. Тут всегда было темно, а что уж говорить о ночи, когда тьма – глаз выколи. Пахло застоявшейся водой. Холодком повеяло на тело. Он набрал воздуха в легкие и погрузился в воду. Страх и тревога, что он испытывал только что, исчезли. В темноте он плескал руками и ногами, погрузился с головой и вынырнул. Оттолкнувшись от одной стенки, доплыл до другой, лег на спину и стал смотреть на низкую темную крышу. Он понятия не имел, сколько осталось до утра и который был час. И не хотел этого знать. Хотелось оставаться в воде.

И тут из люка внутрь хлынул свет. Он понял, что это мать.

– Мама?

– Мама и проклятье мое, мама и дубина тебе. Что делаешь в воде глухой ночью? Бродяга!

Он не успел ничего сказать, как мать начала бить его палкой. Он кинулся в угол водохранилища, куда палка не доставала. Но несколько раз она успела попасть по его телу, оставив ссадины. Мать только проклинала его. Он сжался в углу водохранилища, не отрывая глаз от света, который падал из люка на взбаламученную воду. Там же виднелась и палка. Хотя он уже вырос, но мать все еще порой обрушивалась на него, и палкой, и метлой, и ногой могла засандачить – как в те времена, когда был пацаном и вместо школы таскался по улицам и паркам. При этом он ни разу до сих пор не оказал ей сопротивления, не повысил на нее голос и даже не хватал за руки, чтобы остановить. Он только смеялся и уворачивался, а в конце концов каялся в своих грехах и просил прощения. А когда огонь материнского гнева затухал, через несколько дней, он опять брался за свое. Учиться не хотел. Возвращался домой поздно ночью, а назавтра уходил из дома около полудня. Мать порой плакала, причитая о своей горькой судьбе.

– Ну что ты там, как лягушка, забился в угол? Вылезти не хочешь?

– А палка?

Она вытащила палку из люка.

– Вылезай, глаза бы мои на тебя не смотрели!

Он осторожно скользнул в воде и доплыл до люка. Хватаясь пальцами за бороздки мозаичных плиток, вылез во двор. Мать с палкой и фонарем стояла вблизи.

– Привет.

– Постыдился бы. Чтоб ты сдох и провалился под землю!

– Я же был под землей, ты сказала выходить...

Он еще не успел договорить, как палкой мать огрела его по мокрому телу – ожгло, словно огнем. Он отскочил, сел на корточки в углу двора под опорами винограда и начал чесать место удара.

– Больно же! Ради Аллаха...

– А плевать мне, что больно. Давай вставай и обмойся с головы чистой водой. В колодце полно лягушачьей мочи. Аллах стонет от твоих деяний!

Исподлобья глядя на палку матери, он медленно пошел к водопроводному крану. На кран был надет недлинный шланг. Открыв кран, он поднял шланг на уровень головы. Не успела вода скатиться с головы по телу до ног, как он бросил шланг на землю и объявил:

– Все, помылся!

– Брызнул на себя и говорит «помылся»! Вот я сейчас вымою тебя – присядь!

Он не успел присесть, как мать взяла шланг и на несколько оборотов открыла водопроводный кран. Вода пошла с напором. Направив на него шланг, мать приказала:

– Давай-ка теперь мойся, как следует.

Плеск воды и говор их голосов разносился по улице. Исмаил быстро потер свое тело руками и опять заявил:

– Помылся!

– Под плавками помой, грибами зарос!

Вода из шланга сильно была по его телу, обливая его с ног до головы. Мать приговаривала:

– Повернись-ка спиной. Ага, вот так, этот бок, чисто-чисто. Не бойся помыться, как следует. Со всей силы три. Воды не бойся, грязнула ты, грязь, бродяга, беспризорник...

Она прижимала указательным пальцем носик шланга, и напор воды усиливался.

– Ты еще человеком не стал, не понимаешь ничего, до отца тебе далеко, так и вырастешь бродягой!

Он скорчился. Холод воды кусал кожу. Охота мыться пропала. А мать сквозь зубы все приговаривала:

– Как сова ночная стал, нет, чтобы сказать: у меня есть мать, есть братик маленький, я забочусь о них, я ведь, черт возьми, старший сын, бродяжить брошу и устроюсь на работу!

– А кто мне даст работу, меня в армию заберут.

Мать опустила шланг и закрыла кран.

– Старшина санитарной службы сказал, что у тебя освобождение, пусть, говорит, придет, я ему выправлю.

– Это какой старшина?

– Да в начале улицы живет, муж Зинат-ханум. Работает в службе воинского учета. Сам мне сказал. Завтра иди к нему, послушай, что он скажет тебе, слышишь меня или нет?

– Да слышу, слышу!

Из коридора появился плачущий Махбуб. Он ступал как-то неестественно и всхлипывал судорожно. Мать посмотрела на него и спросила:

– Ты теперь... Что стряслось?

Махбуб, хватая ртом воздух, тер глаза кулаком. Через всхлипывания он произнес:

– Трусики намочились.

Мать подошла к нему.

– Вот наказание! Прямо скажи: обоссался, всю постель замарал. Что ты реवेशь? Господь меня наказывает вами. Одного медведя вонючего обмыла, теперь тебя?

Для начала она с размаха дала Махбубу подзатыльник. Потом спустила его трусы и сняла их с него. Взяв его за руку, подвела к крану и направила струю шланга на его пах и ноги. Махбуб стеснялся Исмаила, прикрывал срам рукой. Исмаил, взяв полотенце, повернулся к нему спиной и вытирался. Мать, на чем свет стоит ругая Махбуба, мыла его, то и дело влепляя ему подзатыльники. От страха Махбуб плакал вполголоса. Исмаилу было его жалко. Когда мать ушла за чистым бельем для Махбуба, он подошел к нему и спросил:

– Чего ты реवेशь? Смотри, я вот тоже обмылся.

Махбуб втянул соплю и спросил:

– Ты тоже описался?

Исмаил рассмеялся:

– Хуже, значительно хуже.

Махбуб забыл о плаче и с интересом смотрел на Исмаила. Тот потрепал его по голове и плечу и сказал:

– Не плачь. Завтра возьму тебя в кофейню Али-Индуса смотреть мультики.

– А в кино возьмешь? Там «Французские цыплята» идут, это здорово.

– Возьму, возьму, а теперь не плачь!

Али-Индус подошел со стаканом крепкого чая и сел рядом, спросил:

– Что грустишь, Исмаил-синеглаз, никак влюбился в кого-то, а мы и не знаем?

Ухмыльнувшись, Исмаил ответил:

– Где там – влюбился, дядя Али! Шутите, наверное?

– Я шучу, Исмаил? Ты какой-то слишком серьезный стал. С утра до ночи сидишь тут, читаешь про Хосейна-курда Шабестани, кроссворды решаешь или телевизор смотришь, и не пойму я, что тебя гложет? Хочешь, индийскую музыку тебе включу?

– Что мне с нее, слезы лить?

– Хоть слезы лей, хоть пляши. Чего грустишь, освобождение от армии ты получил, теперь работу хорошую найди, а то мать совсем чахнет, изводится о тебе.

– А где мне найти хорошую работу? Может, ты покажешь?

– И покажу. А ну-ка вставай, пошли, покажу.

Али-Индус схватил Исмаила за рукав и повлек его к дверям кофейни, указал на другую сторону улицы:

– Вон, гляди, видишь того парня?

– Какого?

– Ну вон того, в подштанниках у дверей стоит. Племянник Хасана, посудного торговца!

– Вижу его, и что дальше?

– Дальше что? Этот парень – и месяца не прошло, как из деревни приехал сюда, и вот, глядь, в банк устроился. А на лицо его посмотри, таких навоз грузить не берут!

– А я-то что? Поздравить его только могу.

– Ты что? А ты подойди к нему, поговори, спроси, как он пролез в банк, и ты – тем же ходом.

Исмаил отвернулся.

– Я к такому грузчику навоза сто лет не подойду.

Али-Индус болезненно скривился.

– А завтра окажешься под его началом и будешь шею гнуть. А что ты думаешь?

И он сам перешел на ту сторону улицы и заговорил с молодым человеком. Через некоторое время вернулся.

– Зовут его Сафар, взял адрес у него. Сказал, иди прямо завтра утром. Говорит, обязательно надо одеться почище и галстук не забыть повязать.

Исмаил взглянул на Али-Индуса и ничего не ответил. Опустил низко голову. В кофейню вошел длинный Байрам.

– Салям, Али-ага!

Он оставил свой посох рядом с дверью и прошел к умывальнику. Потом с мокрым лицом вышел и уселся рядом с Исмаилом.

– Ну как дела, Синеглаз-красавчик? «Спортивный мир» есть у тебя?

– Был, да кончился.

– Как, до нас дошло – и кончился? Так что у тебя? Али-ага, чаю мне принеси – в глотке пересохло.

Исмаил молчал. То, что сказал Сафар, ввергло его в уныние. Особенно – то, что нужно надевать галстук.

– Исмаил-синеглаз, вечером в футбол сыграем?

– Пока неясно.

– Да ну тебя, важность-то не напускай, попробуй лучше гол забить. Посмотрю, у кого сегодня хватит умения пробить Байрама-хана.

– Скажи лучше: Байрама-чабана.

Исмаил встал и вышел из кофейни.

Глава 3

Галстука у них в доме не было. Пришлось идти брать напрокат у местного фотографа. Галстук был бордовый, с мелкими белыми цветочками. Хотя Самад-ага знал Исмаила, он все-таки взял с него плату в десять туманов и сказал: «Завтра вечером верни, клиенты его больше всего любят». Придя домой, Исмаил встал перед зеркалом и прикинул галстук к шее. Сдвинул так, потом этак. Сбалансировал на кадыке. Неуверенно завязал бесформенный узел, поместив его по центру. Этот узел, похожий на комок шерсти для пряжи, неровный и некрасивый, висел под его кадыком, конец же галстука, подобно маятнику старых часов, оказался сбоку от пупка. Исмаил помрачнел. Распустил узел и завязал снова. И опять он как-то расплзлся. В это самое время из школы пришел Махбуб. Увидев брата перед зеркалом с галстуком на шее, он от радости едва мог дышать и завизжал:

– Ой, милый, это же!.. Дай мне, я завяжу, милый, дай, прошу тебя!

– Иди своей дорогой, я сам не могу завязать, а тут ты хочешь?!

Махбуб замолчал, с тревогой внимательно глядя на пальцы Исмаила, сражающиеся с узлом. Не получалось. Не осилить ему было. Все смешалось в голове. Исподлобья глядя на Махбуба через зеркало, Исмаил сказал:

– Ну-ка быстро найди фотографию галстука и принеси мне.

Махбуб не понял.

– Фотографию галстука? А где мне взять ее?

– Откуда я знаю, где, быстро найди!

Тот бросил свой портфель и выбежал из комнаты. Через некоторое время вернулся с газетой в руках.

– Смотри, я нашел!

Исмаил, не глядя, протянул руку и взял газету.

– И что, где тут?

Махбуб торжествующе подлез ближе:

– А вон, внизу!

Исмаил посмотрел. Это была программа показа фильмов в кинотеатрах Тегерана, а рядом с ней – кот в шапке-кепи на голове и с шикарным, толсто завязанным галстуком.

– Ах, кот?!

Махбуб блеснул глазами и обиженно ответил:

– Нет, галстук!

Исмаил смял газету и ударил Махбуба ею по голове:

– Грязь безмозглая, не понимаешь, что ли, что нужна настоящая фотография, а ты вместо человека кота принес?!

Махбуб всхлипнул и, отскочив прочь, завизжал:

– Сам ты грязь, не можешь галстук завязать, зачем дерешься? Мамочка! – и, хныча, ушел во двор. Исмаил услышал материнскую ругань:

– Будь ты проклят, медведь вонючий. Зачем ребенка бьешь по голове? Когда Господь освободит меня от проклятья этого?!

Вечером мать взяла галстук и отнесла его в дом старшины санитарной службы, сказала его жене:

– Исмаил, если Господь позволит, завтра идет в учреждение. Там, говорят, обязательно нужен галстук. А мы не умеем с ним обращаться. Если не трудно, не мог бы господин старшина завязать узел?

Жена старшины, после расспросов и приговариваний: «Ай-вай, с большим удовольствием, какая трудность...» – унесла галстук и отдала своему мужу. Старшина аккуратно завя-

зал на нем узел и вернул галстук. Его жена, передавая галстук, пояснила, как делать узел, если он вдруг развяжется. Мать бережно принесла его в дом и до утра положила в комод.

На следующее утро Исмаил поднялся рано. Побрился, торопливо позавтракал и встал перед зеркалом. Мать все приготовила заранее: пиджак, брюки, рубашку и галстук, на котором был узел, завязанный старшиной санитарной службы.

Вначале он надел рубашку и брюки, а когда дошла очередь до галстука, нагнулся, и мать бережно надела петлю галстука ему через голову и укрепила на шее. Исмаил выпрямился. Поместил узел галстука посередине между отворотами воротничка, затянул его и, укрепив на своем кадыке, остался доволен. Потом внимательно осмотрел себя: лоб, брови, щеки, глаза, нос, подбородок, шея – все его черты и члены тела с прибавлением галстука изменили свой вид. Мать была счастлива. Из кожи вон лезла. Подходила справа и слева. Разглаживала складки на рубашке. Приглаживала его волосы на затылке. Поправляла галстук у него на груди и на животе.

Махбуб от возбуждения коротко взвизгивал и невольно взмахивал руками над головой. Мать сзади подала пиджак, чтобы Исмаил надел его. Он сначала вдел в рукав правую руку, потом левую, потом весь пиджак принял на свои плечи и внутри него встряхнул телом. Когда надел ботинки и собрался в путь, мать сказала:

– Будь внимателен, Исмаил.

– Буду!

Махбуб смотрел на него, словно не узнавая. Взгляд Исмаила задержался на брате. Он подошел к нему, погладил его по голове и вышел из дома. Не успел отойти далеко, как услышал топот ног. Кто-то бежал, догоняя его. Он обернулся. Это был Махбуб. Догнал, часто дыша.

– Чего ты примчался, опоздаешь в школу!

– Нет, не опоздаю, видишь, как я бегаю. Ног не разглядишь.

– Да, бегаешь ты быстро.

Тот двумя руками схватил левую руку Исмаила и прижал к своей щеке.

– Можно, я до перекрестка дойду с тобой?

– Хорошо, идем.

Махбуб пошел рядом с ним вприпрыжку, пристально вглядываясь в глаза прохожих, которые попадались навстречу. Махбубу хотелось, чтобы все оценили его брата в этом пиджаке и брюках и с этим галстуком. Особенно хотелось ему, чтобы видели те ученики их школы, которые часто говорили о покрое одежды своих отцов и вообще важничали.

А вот Исмаилу отнюдь не было приятно. В этом новом важном обличье он чувствовал себя очень странно – словно это вообще был не он. Словно он стал кем-то другим. И этого другого он как следует не знал. Не нравился он ему, вздрагивал он от него. Хотелось сбросить этого липучего и навязчивого двойника с плеч на землю. Освободиться. Стать самим собой – в своих повседневных матерчатых туфлях, в полинявших и обтрепанных джинсах «Ли», в белой рубашке с коротким рукавом. Идти спокойно, чтобы, когда захочешь, можно было разбежаться и сзади напрыгнуть на длинного Байрама, и изводить его. Хотелось перевести дыхание, дышать глубоко и медленно – наполнить легкие воздухом, а потом медленно и с наслаждением закрыть веки и выдохнуть. Но сейчас галстук не позволял этого. Жесткий и неподатливый крахмал рубашки давал возможность лишь едва вздохнуть, и то с трудом. Когда дошли до перекрестка, Исмаил велел Махбубу вернуться, и тот с неохотой послушался, но, уходя, поворачивал голову и с грустью смотрел на брата.

...С западной стороны площади, посреди которой находилась небольшая система бассейнов с фонтанами, алюминиевое здание центрального офиса банка блистало в первых солнечных лучах. Он вышел из такси на площади. Вид здания раздражал его. Не хотелось входить. Оно напоминало трехэтажное здание их школы, от которой он старался держаться подальше, и приемную врача, чьих ампул он сильно боялся. Вот и теперь ему не нравилось это высокое

алюминиевое здание. Сославшись самому себе на усталость, он пошел к небольшому саду в центре площади, где шатровые сосны росли рядом с системой фонтанов, и там пошел по газону. Фонтаны в форме лилий с напором подбрасывали вверх воду, которая, преломляясь, падала вниз. Водяная пыль сияла на лепестках цветов и на короткой траве газона. Некоторое время он оставался здесь. Потом раз, другой вздохнул и направился в сторону алюминиевого здания.

У вахтера он спросил дорогу в отдел кадров. Вахтер кивком головы указал ему на угол зала. Он пошел туда. Закрытая дверь лифтовой ячейки находилась рядом с лестницей. Он нажал кнопку и стал ждать. Нервничал. Вспоминал здание «ПласКо», в котором первый раз ездил на лифте. Тогда они вместе с Ильясом и Мохтаром пошли туда для развлечения или, как говорил Ильяс, для «гулевания», и кататься на лифте им понравилось. Они бесцельно ездили вверх-вниз и хохотали. А теперь ему очень не хотелось, чтобы лифт приехал и открыл двери. Хотелось, чтобы там, в пути, что-нибудь случилось, и эта движущаяся темная кабина никогда не достигла нулевого этажа и не отворила свои двери.

Лифт пришел, и его раздвижная дверь открылась с сухим стуком. Он вошел в нее и поднялся на шестой, последний этаж этого высокого здания. Когда открылся лифт, взгляд Исмаила упал на коридор с каменным полом, в обоих концах упирающийся в закрытые двери. Свет флюоресцентных ламп отражался от белого камня пола. Он прошел несколько шагов, и слышался только громкий скрип его новых туфель. Этот звук неприятно резал слух. Ему казалось, что все обитатели комнат слышат этот скрип и знают о его присутствии. Он чувствовал себя в этом ярко освещенном коридоре так, словно заблудился и ничего не знает. Порой сотрудник в галстук выходил из одной комнаты и скрывался в другой. А он шел, как чужак. Показалась фигура мужчины средних лет и худого телосложения, одетого в зеленую одежду, который нес поднос с несколькими стаканами чая. Исмаил повеселел – ему вспомнился Али-Индус и кофейня. Он подошел к мужчине.

– Здравствуйте, дядюшка. Мне сказали прийти сюда устроиться на работу. В какую мне комнату?

Мужчина остановился и удивленно смотрел на него, потом головой на худой и длинной шее кивнул на одну из комнат: «Туда иди», – и ушел. Исмаил шепотом прочел надпись над комнатой: «Отдел кадров». На дрожащих ногах приблизился к двери. Заперто. Глубоко вздохнул, поправил на груди галстук и несколько раз медленно постучал. Из-за двери – ни звука. Чувствуя себя все хуже, он ждал. Постучал еще раз. Голова его уже горела и в висках колотило. Он услышал звук поворота ключа в замке. Дверь резко открылась. В проеме стоял мужчина средних лет, с русыми короткими волосами, в сером костюме, с глубоко запавшими глазами и торчащим носом.

– Слушаю?

– Мне бы... на работу.

– Не принимаем.

И закрыл дверь. Исмаил обрадовался и хотел уже уходить. Переминался с ноги на ногу. Колебался. Но не ушел. Постучал в дверь еще раз. На этот раз ее открыл другой человек. Он был молодой, высокий, с пышными волосами и веселым и добродушным лицом, похожий на спортсмена. Он мягко сказал:

– Уважаемый господин, квота приема заполнена, иными словами, не требуются ни работники на полную занятость, ни совместители.

Исмаил, которому понравилась мягкость и дружеский тон молодого человека, произнес:

– Али-ага сказал мне: «Обязательно обратись сюда!»

– Какой Али-ага, Али Парвиз?

– Нет, Али-Индус.

Невольная улыбка выразилась на губах молодого человека, который, помедлив, заметил:

– Я его не знаю. Но зайдите, заполните анкету, если вакансию опять откроют, сообщим.

Исмаил вошел. Кроме этих двух мужчин, был еще один, их кресла стояли вокруг стола. Они продолжили разговор о колебаниях стоимости акций. Исмаил положил анкету на низенький столик и занялся вписыванием личных данных. Галстук мешал ему: падал на столик и не давал писать. Несколько раз он отбрасывал его, но галстук опять возвращался на столик. В конце концов Исмаил закинул его на спину, заполнил анкету и положил на тот стол, за которым сидели трое мужчин. Мужчина средних лет, у которого был слегка распушен узел галстука, небрежно взял ее, взглянул и бросил на подставку для бумаг, сказав:

– Успехов!

Исмаил спросил:

– Когда мне прийти?

Мужчина посмотрел на него влажными хмельными глазами и вполголоса пропел:

– Я иду, ах, я иду!

Исмаилу показалось, что голова его раскалилась, а удары в виски стали оглушительны. Он хотел что-то сказать, но молодой сотрудник встал и тронул его за плечо, мягко произнес:

– Мы известим, прошу вас.

– Как не известить, известим тебя!

Это сказал все тот же сотрудник средних лет, который постепенно все более ослаблял узел своего галстука.

В порыве ярости Исмаил вышел из комнаты и сильно хлопнул дверью. Этот звук разнесся по коридору. Буфетчик высунулся из своего помещения и с удивлением посмотрел на него. Не думая о скрипе туфель, Исмаил быстро подошел к лифту. Лифт был внизу. Не став дожидаться, он побежал вниз по лестнице. Спускался, ворча и ругаясь вполголоса. Узел галстука распустил. На каждом этаже нажимал на кнопку лифта и бежал дальше. Вот и нижний этаж. Так же торопливо он миновал вахтера и выскочил из алюминиевого здания. В глаза ударило солнце. Он, не останавливаясь, пробежал между рядами машин на площади. Руки некоторых водителей невольно давили на сигналы, головы высывались из машин, потрясения кулаков и брань провожали его. Перепрыгнув через барьер вокруг центральной части площади, он подошел к красивой фонтанной композиции. Увидев его, желтая трясогузка коротко пискнула и взлетела. В нескольких метрах она приземлилась и начала насмешливо трясти своим длинным хвостом. Исмаил сел на газон, прислонившись к стволу высокой сосны. Галстук был уже так распушен, что он легко мог бы снять его через голову. Лицо его обдавал прохладный ветерок с мелкими брызгами воды от фонтана. Он несколько раз глубоко вздохнул. Грудь наполнилась свежим воздухом. Он чувствовал себя так, словно сложил с плеч на землю тяжелый груз. Он закрыл глаза и отдался смутным бегущим картинкам, которые возникали под веками и потом лопались, как пузырьки. Порой в сознании его возникало лицо сотрудника средних лет с короткими русыми волосами, тот напевал, и это было неприятно.

Несколько минут Исмаил оставался в таком положении. Писк трясогузки заставил его открыть глаза. Пичужка весело трясла хвостом рядом с его ногами и попискивала. Он медленно свистнул. Трясогузка опять отлетела и села чуть поодаль. Он встал на ноги. Галстук кое-как висел на его шее. Он снял его и, смотав, сунул в карман. Нагнулся к бассейну и несколько раз плеснул себе на лицо. Солнце уже дошло до половины неба.

Он отошел от площади. Несколько раз хотел сесть в такси, но неприятное чувство останавливало его. Вполголоса он бормотал: «Приеду домой, и что? Скажу: неудача? Руками разведу? Клянусь Аллахом, не поеду!»

Пиджак он снял и перекинул через плечо за спину, пошел пешком. Бормотал сам себе: «Вот так вот, считай – провал, а этот педик как хамил. Столько стараний, в галстуке пришел, а в итоге ничего, нуль, иди, мол, мы известим! А я какой осел, что пришел к этим с пустыми руками, шею согнул и милости ждал. Сто лет не хочу! Особенно к этому педик. Подлец, как он спел: «Ах, я иду!»

Здесь попался бы мне, я бы тебе штаны-то спустил. Тогда поймешь, что такое «я иду». Тогда узнаешь Исмаила-синеглаза. Педик!...»

Он взмок от пота. Его передергивало. Деньги были в кармане, но он был зол на себя и хотел весь путь пройти пешком. Через несколько часов, изнемогая от жажды и обливаясь потом, он дошел до кофейни Али-Индуса. Бросил пиджак на стол и подошел к раковине. Сполоснул лицо и шею, и за ушами. За одним из столов дремал длинный Байрам. Али-Индус сидел против телевизора и смотрел сериал о войне и мире. Увидев Исмаила и не отрывая глаз от экрана, негромко спросил:

– Ну, какие новости, со щитом или на щите?

Исмаил, мрачный, развалился на стуле:

– Даже к погрузке навоза не допустили, какое там на щите и со щитом!

Услышав их голоса, длинный Байрам открыл глаза. Сначала посмотрел на своих овец на пустыре, потом потянулся и спросил:

– Ну что, Красавчик Исм, где пропал? Вижу, «Спортивного мира» нет у тебя, о Хамаюне что слышно?

Не взглянув на него, Исмаил ответил:

– Сидишь, приятель, в ус не дуешь, а господин волк, смотри, как бы не уменьшил твое стадо! – потом спросил: – Али-ага, голоден я, что у тебя есть из еды?

– Иди сам сделай себе, что хочешь, ты все у меня знаешь.

Исмаил взглянул на серый экран телевизора. Женщина с прямыми длинными волосами обвила руками шею молодого мужчины, и лица их все больше сближались, Али-Индус, с полуоткрытым ртом, не отрывал от них взгляда.

Исмаил пошел за стойку. Обеденные тарелки были еще не вымыты. Он быстро поджарил себе яичницу, тут же съел ее, пошел в кладовку Али-Индуса и там растянулся. Здесь было уютно. Он лежал на спине и смотрел на индийскую актрису с красивой родинкой на лбу. Потом посмотрел на фотографию Али-Индуса в рамочке. На ней он был в красном галстуке и в барбарисового цвета пиджаке, его блестящие прямые волосы были зачесаны со лба назад и родинка была похожа на родинку индийской актрисы. И улыбался он, как она. Исмаил улыбнулся и закрыл глаза. Больше не хотелось ни о чем думать.

Вечером его разбудил голос Али-Индуса. Прошло какое-то время, пока он узнал эту темную комнату.

– Вставай, старина, часов пять-шесть уже, как плюхнулся.

Он вспомнил, где он. Сел на лежанке. Али-Индус ушел. В памяти, вызвав неприятное чувство, всплыло алюминиевое здание. Потом зазвучал в ушах презрительный голос того сотрудника средних лет. Его встревожило то, как Али-Индус разбудил его. Он хотел бы забыть обо всем. В сердцах он произнес:

– Друг, дай же мне поспать. Зачем понадобилось прийти и поднять меня?

Он зажег свет в подсобке. Со стены ему улыбнулась индийская актриса. Он встал и поставил на магнитофон одну из индийских пленок Али-Индуса; не раз он слышал эту мелодию, однако сегодня звучала она по-другому; сегодня звучала она как забвение и прибежище в мире сказки, неизведанном и чудном. Музыка успокаивала. Слушая музыку, он не отрывал взгляда от фотографии, и его взгляд скользил по двум очаровательным черным глазам и по родинке на лбу.

Во рту было горько. Мочевой пузырь переполнился. Он встал и пошел в туалет. Вымыл руки и лицо. Выключил магнитофон и свет и прошел в зал кофейни. По телевизору шел сериал о Мораде-молниеносном. Сесть было негде. Али-Индус крутился между столиками, приносил полные стаканы и забирал пустые. На его лбу и под глазами дрожали мелкие капельки пота. Сонным голосом Исмаил спросил:

– Вода есть в самоваре?

Али-Индус, не глядя на него, ответил:

– Ничего не делай, садись принцем. Я тебе чай подам.

Он сел позади стойки. Али-Индус поставил перед ним первый налитый стакан чая. От стакана поднимался пар, завивался в ветерке, создаваемом вентилятором, еле-еле крутящемся под потолком, и исчезал. Ильяс, длинный Байрам и Мохтар-красавчик сидели в углу кофейни, пожирая глазами экран телевизора. Исмаил, неся пиджак на руке, направился к ним. Увидев его, они потеснились, чтобы дать ему сесть. Ильяс, не отрываясь от телевизора, произнес:

– Али-ага говорил, что ты спишь в кладовке.

– Да, вздремнул.

Длинный Байрам, подмигнув, заметил:

– Да, дорогой, вздремнул – как див, храпел всюю.

Ильяс спросил:

– Что стряслось? Али-ага говорит, ты при пиджаке и галстук пошел на работу устраиваться. Типа, кричать в ухо глухому шайтану, да?

Исмаил, опустив голову, играл со слегка приоткрытым коробком спичек. Он ставил его на большой и указательный пальцы правой руки и подбрасывал. Перевернувшись, коробок становился стоймя на стол. И так – быстро-быстро, раз за разом. Ни одной осечки, всякий раз коробок становился стоймя и стоял, как вкопанный. Мохтар-красавчик не выдержал. Протянул руку и остановил коробок.

– А где твой галстук?

Исмаил вытащил краешек галстука из кармана пиджака и показал:

– Вот он!

Все трое смотрели на галстук. Длинный Байрам произнес:

– Исм-красавчик в галстук, что получится? Маленький сынок.

– Верблюду ты немытый, следи за языком!

Байрам рассмеялся, обнял Исмаила за шею и с силой поцеловал его:

– Синеглаз мой, я его слуга!

Фильм о Мораде-молниеносном кончился. Некоторые вспоминали его сцены, большинство уходило из кофейни. Морад-красавчик кулаком стукнул по столу. Коробок упал.

– Нам пора, завтра чуть свет на работу.

Оставив на столе десять туманов, он сделал прощальный знак рукой Али-Индусу, который мыл стаканы, и вышел. Выходя на улицу, он сцепил руки за спиной и слегка выпятил грудь. Исмаил снова занялся коробком, исподлобья поглядывая в телевизор. Ильяс встал и попросил:

– Исмаил, надень галстук, хочу увидеть, как тымотришься.

Тот подбросил коробок и сказал:

– И ты шутишь, Ильяс, галстук ведь не для меня, мне пришлось его надеть.

Ильяс положил ему руки на плечи:

– Ну сегодня вечером уж больно охота увидеть тебя, дружище, в галстук – неужто откажешь?

Длинный Байрам поддержал:

– Давай, покажись, не заносись уж слишком!

– Куда б я ни занесся, твои руки достанут! – пошутил Исмаил.

И голос Али-Индуса послышался от мойки:

– Исмаил, надень, и я посмотрю.

Исмаил тяжело поднялся. Зашел за стойку. Достал из кармана пиджака галстук, накинул его на шею, как утром, затянул под крахмальным воротником рубашки и установил посередине. Надел пиджак и пошел в сторону Ильяса.

– Пожалуйста, смотри во все глаза!

Ильяс глядел удивленно. Его глаза цвета меда блестели. Своими длинными костлявыми руками он обнял Исмаила за шею, поцеловал его и сказал:

– Служу высшему, ей-ей, нет тебе равных в Гамбар-абаде и вокруг!

Али-Индус вытер руки, подошел ближе и напевно провозгласил:

– Все на шаг назад, идет жених, зажигать пламя!

Те несколько человек, которые оставались в кофейне, рассмеялись. Ильяс воскликнул:

– Жених, идем в город, повеселимся. Мне уже не терпится!

И длинный Байрам поддержал:

– Идем-идем, а то терпение мое иссякнет!

Глава 4

– Думай как следует, а то нажалуюсь на тебя. Нельзя так со мной обращаться!

Али-Индус опустил голову и машинально вытирал стол тряпкой.

– А все-таки, в чем я виноват, Акрам-ханум? Исмаил, слава Аллаху, уже мужчина, сам за себя отвечает...

– Раз-два, и мужчина? А для меня он еще ребенок все тот же. И я хочу знать, где он был ночью!

Исмаил, с заспанными глазами и бледным лицом, сидел у стены кофейни и слушал разговор матери с Али-Индусом.

– Я вчера днем и вечером все глаза проглядела, ожидая этого изверга. Полдень – нет его, вечер – нет, ночь – нет. До утра – то во двор, то в комнату. Глаз не сомкнула. Тысячу дум передумала. И вот опять полдень, и он, вместо того, чтобы прийти домой, спит у тебя в кладовке. Вообще, по какому праву ты заколдовал моего сына и похитил его, а? По какому праву? Имею я право подать жалобу на тебя?

– Что вы говорите, госпожа? Как это заколдовал? Какими чарами? Исмаил мне как сын...

– Вот не надо насчет сына, мы не знаем, где твой сын и где семья твоя! Все знают, что ты из Индии. А здесь колдовство затеял! Теперь на сына моего порчу навел!

Али-Индус рассмеялся. Бросил тряпку на стол.

– Чего только не говорят за спиной. Добрый человек о себе чего не услышит?

Потом он повернулся к Исмаилу:

– А ты что скажешь? Спишь или нет, слышишь, что говорим?

Тот был еще в полусне – веки опухли, глаза красные и зевает вовсю.

– Слышишь или нет, что мать твоя говорит?

– А в чем проблема-то?

– Ты меня спрашиваешь, в чем проблема? Ты своей матери объясни, а то она мне всю кофейню разнесет.

Исмаил нетвердо встал на ноги.

– Что случилось, мама? Одну ночь дома не был, так ведь не десять. Сейчас как раз собираюсь домой.

– Прах на твою голову, что ты опозорил меня. Вот уйдешь на работу устраиваться, а потом труп принесут.

– Так ведь все хорошо, родная. Иди домой, я сейчас приду.

– Да сто лет ты не нужен мне. Чтоб ты сдох. Чтоб ты под машину попал. Чтоб ты в ад провалился. Но не позорь меня!

Произнеся это, она быстро вышла на улицу. Воцарилась тишина. Под потолком крутился вентилятор, чуть поскрипывая. Вошел длинный Байрам со своим посохом. Увидев Исмаила, рассмеялся и громко спросил:

– Ну как, Исм-красавчик, вчера хорошо повеселился?

– Тебе какое дело?

– Байраму-спортсмену до всего дело!

– Не мели ерунду.

– Да здравствует Хамаюн!

– Тьфу! Говорить с тобой не хочу.

– Ну и не говори, гуляка. Али-ага, открой мне колу холодную, горю весь от жары.

Он развалился на стуле, прислонив посох к стене и стараясь не смотреть на Исмаила. Из громкоговорителя местной мечети раздался азан к намазу. Исмаил колебался, идти домой или нет. Не хотелось идти. Страшновато было. Побаивался он материнского скандала, ее визга

и криков, ее проклятий и рыданий, и, в конце концов, оскорблений и смачных ругательств, заслышав которые, соседи открывали окна и выглядывали. Галстук все еще был у него в кармане. Самаду-аге, хозяину фотомастерской, обещал вернуть через сутки, и вот, задерживал.

С этой мыслью он поднялся, чтобы идти домой, когда перед кофейней остановился вишневым «Бенц» Айаза. Как всегда, за рулем был Хатем, сам Айаз водить не любил. Он был грузный, с выступающим животом, короткими кривыми ногами и мясистым лицом, с широчеными усами, черными и тяжелыми, закрывающими губы. В Гамбар-абаде и вокруг все знали, что Айаз приторговывает зельем. Говорили, что деньги он лопатой гребет и что в полиции у него дружки, которые закрывают глаза на его дела. Еще, правда, говорили, что сам он подвешен на высокий крючок. При этом он привычки к зелью не имел. Жизнь вел здоровую. Он был мягок и добр, немного нетерпелив и очень забывчив. Видели, что он приносит деньги в банк, чтобы положить на счет, кипами ассигнаций, завернутых в большой платок, и так их и подавал в окошко кассиру. Когда его спрашивали: «Айаз-хан, сколько здесь?» – он моргал, как ребенок, и отвечал: «Не знаю. Посчитайте, увидите, сколько». Кассир начинал считать. Клиенты банка изумленно смотрели на груды денег, а он после подсчета соглашался с любой суммой, которую называл кассир. А вообще-то народ боялся больше Хатема, чем Айаза. Хатем был как волк – с вытянутым лицом, расширенными глазами кофейного цвета и бурыми усами. Его взгляд был тяжелым и угрожающим. Длинный Байрам, увидев Айаза, встал.

– Здравствуйте, Айаз-хан! Пожалуйста!

– Ну, как дела, Байрам? Нормально? Садись. Чего ты встал?

Байрам не мог сказать, что встал из уважения. Он сел. Айаз, потный и задыхающийся от жары, рухнул на одно из кресел и, обращаясь к Али-Индусу, который вышел из-за стойки к самовару, спросил:

– Как дела, Али-ага, нормально? Да не оскудеет рука твоя, дай мне, пожалуйста, кружку холодной воды.

Али-Индус с уважением уточнил:

– Чай, холодный лимонад? Айаз-хан, то и другое готово.

– Нет, нет. Кружку холодной воды. Жажда невыносимая, небо и земля горят, такая жарница.

– Вы правы, Айаз-хан. В этом году очень жарко.

Али-Индус извлек из холодильника большую, полную воды кружку, в которой плавало красное красивое яблоко, и кивком головы указал Исмаилу отнести ее Айазу. Исмаил неохотно поднялся, взял кружку из рук Али-Индуса, медленно отнес ее и поставил на стол перед Айазом.

– Пожалуйста.

Айаз с любопытством смотрел на него.

– Будь здоров, юноша. Очень красивое яблоко, да не оскудеет рука твоя, Али-ага.

– На здоровье.

Айаз выпил эту кружку, все время исподлобья наблюдая за Исмаилом. Допив воду, глубоко вздохнул и взял яблоко, а пустую кружку поставил на стол. Исмаил спросил:

– Еще выпьете?

– Нет, достаточно!

Он вытер усы мягкой частью кисти между указательным и большим пальцем и дал знак Хатему зайти. Хатем вошел. Никто никогда не видел его улыбки. Он был мрачен и угрюм.

– Давай, выпей что-нибудь, и поедем.

И сам так сильно укусил яблоко, что сок брызнул по сторонам губ. Мысли Хатема, как видно, были о машине. Он сел рядом с Айазом и, не глядя на Али-Индуса, сказал:

– Лимонад, пожалуйста, холодный!

Али, стоящий наготове, взял горлышко одной из бутылок, с хлопком открыл ключом ее крышку и поставил перед Хатемом. Айаз достал из кармана платок, вытер им пот под горлом, мочки ушей и, кивнув на Исмаила, спросил у Али-Индуса:

– Парень откуда, не видел ведь я его?

Али-Индус, помедлив, ответил:

– Парень местный, со второй восьмиметровой.²

– Помощник твой?

– Нет, заходит иногда, свободен он, безработный.

– Ох, как так? А учеба там, армия?

– Освобожден от армии. Учебу окончил, так получается. Я всего не знаю. Однако, Айаз-хан, парень он хороший.

Айаз посмотрел на Хатема и заметил:

– Жаль, что без работы, да, Хатем?

Хатем посмотрел на Исмаила и произнес:

– Если бестолочь, так и поделом.

Али-Индус быстро возразил:

– Нет, он сообразительный, посмотрите в его глаза: ничего подобного. Прозвали его Исмаил-синеглаз. Отца нет, а мать их едва концы с концами сводит. Бедняга вчера ходил устраиваться в банк – так эти животные только посмеялись над ним, очень грубо, он так расстроен был. Вчера ночевать домой не пошел. Вот только что, перед вами, мамаша его здесь была, можно сказать, скандал целый устроила.

– Надо же!

– Да буду я вашим вечным должником, Айаз-хан, если бы вы могли помочь ему с работой. У меня-то руки короткие.

– Говоришь, хотел в банк устроиться?

– Да, Айаз-хан.

– Ну, это несложно, прямо завтра пусть идет к этому парню, директору банка, что на углу. Скажешь ему, Айаз прислал. Я ему позвоню.

После этого он положил на стол ассигнацию в сто туманов и встал. Уходя, громко сказал Исмаилу:

– Будь здоров, молодой человек, и ты тоже, Байрам-длинный, и ты, Али, будь здоров.

Хатем проворно открыл перед ним дверцу «Бенца». Оба сели в машину. Хатем завел двигатель и тронулся. Али-Индус взял ассигнацию в сто туманов, отнес ее, бросил в ящик кассы и сказал Исмаилу:

– Бог тебе помог. Теперь иди спокойно домой, а завтра поутру первым делом – к директору банка, что на углу, скажешь: меня прислал Айаз-хан.

– И все?

– И все, все дела.

Так, без каких-либо усилий со стороны Исмаила, все узлы, один за другим, оказались развязаны, и цель – скорее матери, чем его собственная – была достигнута. То отделение банка, в котором ему предстояло работать, находилось в конце десятиметровой³ улицы Саадат – это была оживленная магистраль, упирающаяся в железную дорогу; между ней и банком находилось еще несколько магазинов. По другую сторону рельс оставались еще огороды и бахчи, тянулись глинобитные полуразвалившиеся стены и возвышалась старая рефрижераторная установка, издали напоминающая крепость. По ту сторону железной дороги начина-

² По принятым в шахском Иране нормам городского строительства улицы классифицировались по ширине как «восьмиметровые», «десятиметровые» и т. д. В данном случае имеется в виду, что семья Исмаила живет в небогатой части стандартной застройки.

³ См. предыдущее примечание.

лась территория дознавательной базы жандармерии, а эта сторона относилась к полицейскому участку. Рядом с железной дорогой раскидывали свои ковры организаторы азартных игр – и, если показывался полицейский патруль, игроки бежали на ту сторону железной дороги, если же появлялись жандармы, они перескакивали на эту сторону, причем ни полицейские патрули, ни жандармы не выходили ни на шаг со своей территории, как если бы это были пограничники двух стран, не имеющие права переступить государственную границу.

В первый день, еще не было восьми, Исмаил уже был у дверей филиала банка, в пиджаке, брюках и на этот раз в уже не позаимствованном галстуке. Для него филиал был как крепость. Он переживал, опасаясь того, что кроется за этими матовыми высокими витринами. Хотелось бы ему, чтобы там было так же, как в кофейне Али-Индуса, чтобы он спокойно и без тревоги мог войти, громко поздороваться, спросить знакомых, как дела, открыть кран над раковиной и вымыть руки и лицо, потом сесть, где захочется – а банк, и пиджак, и брюки, и галстук сдавливали его. Если бы не мать, он не пошел бы сюда. Он готов был получать водительские права и работать на грузовике, ездить с ней продавать фрукты, и тысячу других дел делать – но не банк. А мать на двух профессиях упорно настаивала, и прямо так и говорила: или нефтянка, или банк. Нефтяная фирма – по причине больших там денег, банк тоже: сотрудники там очень опрятные и собранные, вся работа их с деньгами, и уж обязательно их собственные зарплаты – высокие.

Он подошел ближе, обе руки, как козырьки сбоку глаз, приложил к стеклу и посмотрел внутрь. Там был мужчина, вытирал столы. Исмаил постучал пальцем в стекло. Мужчина поднял голову, потом вернулся к своему делу. Исмаил еще раз постучал и дал ему знак подойти к двери и открыть ее. Мужчина бросил тряпицу на стол, быстрым шагом пошел к дверям, открыв их, высунулся и спросил:

– Ну что стучать спозаранку? Видите, что никого нет? Я уборку делаю.

– Я это, по работе.

– Хорошо, но пока нет сотрудников, с восьми работа. Тогда и сделают всю вашу работу.

Он был высокий, живот у него был вздутый, шея тонкая, а голос – густой. Он скрылся в филиале и закрыл дверь. Было еще без четверти восемь. Исмаил пошел к железной дороге. На пересечении улицы Саадат и железной дороги стояла маленькая будка стрелочника, ее два небольших окна смотрели в разные стороны. Заглянув внутрь, Исмаил увидел лежанку, а на ней – свернутое постельное белье. В другом углу комнаты на огне грелся закопченный чайник. Ему понравилась и эта будка, и та жизнь, которой жил стрелочник. Он рассматривал все с жадностью. Филиал и время, приближающееся к восьми, исчезли из его сознания. Стрелочник с удивлением смотрел на молодого человека в галстуке, заглядывающего в его будку. Через некоторое время и Исмаил заметил стрелочника, и они уставились друг на друга. Тот был средних лет, худой, с морщинистым лицом и длинными русыми волосами, свешивающимися из-под фуражки, одетый в темно-синюю форму с золотистыми пуговицами.

– Салям!

– Салям, дорогой господин.

– Простите меня. У вас тут есть часы?

– В будке нет, а вот здесь есть, – он поднял рукав и показал свои часы. – Пожалуйста.

Вот часы.

– Сколько сейчас?

Стрелочник приблизил циферблат к глазам. Всмотревшись, сказал:

– Три часа ночи показывают. Черт, остановились: забыл завести!

Исмаилу показалось, что он опоздал.

– В восемь я должен быть в банке!

Стрелочник изумленно смотрел, как юноша кинулся бежать. Стремглав Исмаил слетел с железнодорожной насыпи и вскоре подбежал к филиалу. Двери были открыты. Уже пришли

сотрудники, несколько клиентов ожидали перед барьером. Исмаил вошел и растерянно остановился. Буфетчик вышел из своей комнаты с подносом, на котором стояло несколько стаканов чая. Увидев Исмаила, громко сказал:

– Вот теперь вовремя, а не то, что было!

При этих словах на них обратили внимание. Буфетчик, ставя стаканы с чаем на стол, продолжал:

– Господа пришли, излагайте свое дело.

Исмаил стоял все так же растерянно, глядя на лица сотрудников. Буфетчик, видя его замешательство, подошел к нему с пустым подносом и спросил:

– Так в чем ваше дело?

Исмаил поправил галстук и сказал:

– Мне сказали прийти в этот банк работать.

Буфетчик с удивлением осмотрел его с головы до ног и произнес:

– Так и сказали бы. А я откуда знал? – затем повернулся и отчетливо объявил: – Новый сотрудник пришел!

Господин, чей стол стоял отдельно от других, низенький, с подстриженными и аккуратно причесанными волосами, встал и, подойдя, спросил:

– Господин Сеноубари? Мы ждали вас.

Он потянулся через барьер и пожал руку Исмаила. Его рука была мясистой, мягкой, с короткими пальцами. Он провел Исмаила на ту сторону барьера, в помещение для служащих. Рядом с его столом стояло несколько стульев вокруг низкого столика. Они сели друг против друга. Прежде чем начать разговор, тот повернулся и сказал буфетчику:

– Господин Могаддам, если не трудно, чай.

Потом уперся обоими локтями в колени, сплел пальцы рук и всмотрелся в лицо Исмаила.

– Опыта работы вы не имеете?

– Опыта этой работы?

– Да.

– Не имею.

– Значит, вы хотели бы обучиться.

– Да.

– Очень хорошо. Меня зовут Солеймани, я директор филиала. Я рад, что вы к нам пришли. Наш филиал – один из самых загруженных в районе.

Большинство клиентов – частные вкладчики. Несколько мелких торговцев имеют у нас текущие счета. У нас в банке есть правило, которое мы всегда повторяем: клиент прав. На это принципиальное положение следует обратить внимание. Сотрудник банка должен быть дисциплинированным, аккуратным и вежливым. Привлекать клиентов. Хороший сотрудник – это сотрудник, который всецело сосредоточен на работе. Как только появляется рассеянность, исчезают деньги. Обязательно помните, что, если деньги исчезли, они уже не вернуться. Разве бывает, что, если лев что-то проглотил, это можно достать? Все возмещается из кармана, банк ни крана⁴ не прощает.

Могаддам на подносе принес стакан чая, поставил его на столик и придвинул к стакану сахарницу. В это же время в помещение вошел еще один сотрудник. У него была белая, светлая кожа и редящие кудрявые волосы. Он громким голосом поздоровался и, подойдя к Солеймани, обменялся с ним любезностями. Солеймани познакомил их:

– Уважаемый господин Хедаяти, заместитель директора филиала. А это господин Сеноубари, новый сотрудник.

Хедаяти рассмеялся. Глаза на его лице превратились в две горизонтальные узкие щелки.

⁴ Кран – иранская монета, равная 1 риалу.

– Ростом вы хоть куда, добро пожаловать.

Солеймани поправил галстук и сказал:

– Наш уважаемый господин Хедаяти очень старателен. В том числе он прилагает большие усилия выглядеть хорошо, чтобы люди думали, что он городской и никакого отношения к деревне не имеет. Однако по несчастливой случайности, как только он откроет рот и скажет два слова, так деревенское происхождение уважаемого становится всем ясным, и все усилия идут прахом!

Хедаяти не стал ждать, пока Солеймани договорит. Он сдвинул руку Исмаила и сел за свой стол. Неторопливо передвинул и подравнял предметы на нем. Выглядело это так, как если бы и он был одним из предметов или необходимых приспособлений филиала. Потом Хедаяти поднял голову и сказал:

– Уважаемый господин директор, перед нашим новым сотрудником прошу вас разрешить мне не уточнять, из какой именно деревни прибыл сюда!

После чего он победно рассмеялся и сплотнул слюну. В тот же миг еще один сотрудник показался по эту сторону барьера. Он был худой и среднего роста. Одет он был в отутюженный костюм кремового цвета. Волосы его были пышными и одновременно прямыми, черными. Золотое пенсне придавало его худому лицу необыкновенно серьезный и решительный вид. Он тоже, перед тем как сесть за свой стол, подошел к Солеймани, и они поздоровались за руку. Солеймани представил ему Исмаила, затем сказал:

– Это господин Харири, учитель бухгалтерии. Это самый стильный работник нашего региона!

Харири рассмеялся и легким шагом пошел к своему столу. С появлением третьего сотрудника глаза Исмаила расширились от удивления. Сначала Исмаил подумал, что ошибается – но нет, это был он, Сафар, тот самый, кто недавно поселился в их районе и с кем разговаривал Али-Индус. Он был высокий, с каштановыми волосами, со светлыми глазами и кожей, в костюме кофейного цвета. Галстук так крепко был затянут под его выступающим кадыком, что издали напоминал кулак, который ему уперли в кадык. Исмаил негромко с удивлением сказал:

– Этот парень!

Сафар тоже, когда увидел его, подошел и спросил:

– Ты что тут делаешь, паренек из квартала?

Солеймани поинтересовался.

– Похоже, вы друг друга уже знаете?

Сафар ответил:

– Конечно. Имя уважаемого мне неизвестно, но в квартале я его несколько раз видел издали.

– Это господин Сеноубари, Исмаил Сеноубари, – потом, обращаясь к Исмаилу, сказал: – А это господин Сафар Махрадж. Он недавно прибыл из села. Когда в первый день он вышел на работу, из предусмотрительности принес с собой домашние штаны, чтобы, если придется сесть на землю, а может быть, и лечь, не помять отутюженные брюки. Однако, к счастью – а может быть, к несчастью – такого случая не представилось. Господин также весьма прилежен как в работе, так и в супружеских вопросах. Например, на прошлой неделе ему очень понравилась одна дама. К делу он подошел весьма смысленно: узнав адрес ее квартиры, послал к ней свою сестру для предварительных переговоров с целью сватовства. Однако, к несчастью для господина Махраджа, для предоставления объяснений к дверям квартиры вышел муж этой дамы!

Хотя взрыв хохота сотрудников потряс помещение филиала, Сафар, не обращая на это внимания, приводил в порядок свой стол, готовясь к работе. Хедаяти, красный от смеха, сказал:

– Махрадж, черт тебя возьми, ответь же что-нибудь!

– Мне нечего сказать. Каждый разумный человек знает, что не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

В это время с улицы вошли несколько клиентов и громко поздоровались. Солеймани подвел Исмаила к Хедаяти и сказал:

- Эй, уважаемый сельчанин, вручаю тебе Сеноубари, запускай его в дело!
- Слушаюсь, уважаемый начальник, так запустим в дело, что все деловые упадут!
- Посмотрим и оценим.
- Поглядим.

Солеймани сделал знак Исмаилу, чтобы тот садился рядом с Хедаяти. Исмаил пододвинул стул и сел.

- С вашего разрешения, господин Хедаяти.
- Добро пожаловать, стройный юноша, душа моя – жертва за тебя!

Исмаилу стало весело. Хедаяти брал бумажные деньги посетителей, которые они подавали, чаще всего, вложив их в сберегательные книжки, и вначале как следует подравнивал купюры, потом своими мясистыми белыми пальцами пересчитывал их, одновременно спрашивая у клиента сумму. Если видел, что сосчитанная им сумма совпадает с названной клиентом, то вносил ее в приход и в сберкнижку. Занимаясь этим, он спросил Исмаила:

- До сих пор в банке не работал?
- Нет, не работал.
- Значит, пробег – ноль километров.
- Да, так.
- И посвящение не проходил?
- Никак нет.

– Значит, это за мной! – затем, принимая через барьер сберегательную книжку от женщины, продолжил: – Работа в банке требует твоего внимания и собранности. У клиента, как правило, все мысли о его деньгах, и если ты ему недодашь, он обрушит на тебя тысячу бранных слов, однако, если ты ошибешься в его пользу, ни звука от него не услышишь, а если спросишь, будет так отрицать, что тебе стыдно станет. Как в азартной игре, ты понял? Ты слушаешь меня?

- Слушаю, конечно, продолжайте.
- Скажи-ка, ты женат или нет? Хотя по лицу твоему вижу, что нет.
- Неженат.
- Значит, только об этом и думаешь, так?
- Нет, не думаю.

– Как это не думаешь? А по глазкам твоим голубым видно, что ты горячий парень! Быстрее женись, это к твоей пользе, ты понял?

– Понял.

– В таких местах, для служащего банка очень легко найти женщину. Мы с утра до ночи работаем с деньгами, они и думают, что всякий раз, как захотим, можем взять себе. Но нужно быть очень внимательным. Женщина – как та же пачка купюр по сто туманов, следует очень тщательно пересчитать, чтобы не ошибиться ни в ту, ни в другую сторону, или чтобы фальшивку тебе не подсунули, потому что потом у тебя ее уже не возьмут, понимаешь?

– Понимаю.

– Очень хорошо, теперь возьми эту пачку двадцатитумановых и пересчитай. Хорошенько наблюдай за моими пальцами и делай так же.

И Хедаяти начал пересчитывать купюры, вложенные в одну из сберегательных книжек.

- Понятно тебе?
- Понятно.
- Тогда начинай!

Исмаил начал. Это было тяжело. Пальцы его с трудом перебирали купюры и быстро устали. Однако он не останавливался. Старался. В это время один посетитель сказал громким голосом с необычным выговором:

– Салам алейкум уважаемым господам и дамам!

Исмаил посмотрел на него. Высокий, в белой рубашке и с седыми волосами, лицо красное, глаза вытянутые, веки припухшие. Из рта вперед выступало несколько желтых длинных зубов. Он тяжело облокотился на барьер.

– Как ваше драгоценное здоровье, уважаемый господин Хедаяти?

– А как ваше, уважаемый господин Аспиран? Дела ваши, вижу, идут хорошо, а как здоровье членов тела вашего?

Мужчина сказал:

– Уважаемый господин Хедаяти, чтоб вы знали: вежливость имеет гораздо большую ценность, чем все те деньги, которые вы пересчитываете. В этой связи убедительно прошу вас соблюдать вежливость!

– С вашей точки зрения, я чем-то вас задел?

– Я больше ничего не добавлю, вы все изволили слышать.

Потом мужчина повернулся к Исмаилу:

– А вы, уважаемый новый молодой работник, не могли бы посмотреть, какая сумма на моем счету?

Исмаил удивленно переспросил:

– На вашем счету?

– Да, как я и сказал, на моем счету, номер 444.

Хедаяти, записывающий цифры, сказал:

– Господин Аспиран, он пока не знает этого. Будьте добры, подождите немного, я лично буду к вашим услугам.

Затем он достал карточку счета из пачки других карточек и объявил:

– Пожалуйста, уважаемый господин, один миллион шестьсот тысяч риалов – такова сумма на вашем счету.

– Очень хорошо, господин Хедаяти. Но я вам много раз говорил, и это записано у вас на моей карточке: мое имя Зинати, а не Аспиран!

Он сказал это и быстро вышел на улицу. После его ухода следы улыбок еще оставались на губах многих.

Исмаил считал, и конца этому не было видно. Большой и указательный пальцы он погружал во влажную губку, находящуюся в пластиковой чашечке, смачивал их и продолжал считать. Пальцы устали. Он уже не выдерживал. Клиенты через барьер с удивлением наблюдали за его неловкими движениями – и его от стыда прошибал пот. Он встал и пошел в буфетную. Ноги затекли, а новые туфли громко скрипели, отчего было еще мучительнее. В буфетной он посмотрел на себя в зеркало. Вид у него был подавленный. Он немного ослабил узел галстука, свободно вздохнул, сполоснул водой лицо. Сел на стул напротив вентилятора буфетной. Расслабил руки и ноги и закрыл глаза. Вспомнил о кофейне Али-аги. В это время там – тишина. Заходят иногда пенсионеры, старики, да порой усталые водители такси или поденные работники, чтобы утолить жажду, моют руки и лицо и просят напиться.

– Приятного вам отдыха!

Он открыл глаза. Это Могаддам вошел, чтобы приготовить чай.

– Ничего не делавши, уже устали?

– Нет, друг, я не устал. Терпение кончилось. Не могу просто так считать деньги.

– Надо привыкать, работа в банке вся такая.

Он наполнил чаем несколько стаканов.

– Если позволишь совет, вставай и иди в зал – хотя бы делай вид, что работаешь. Иначе нашему говоруну Солеймани это не понравится, и он быстро издаст приказ об увольнении.

Исмаил тяжело поднялся, оправился и вышел из буфетной. По пути ему нужно было пройти мимо Сафара. Тот тоже, как и Хедаяти, сидел перед своим окошком. Выдавал и при-

нимал деньги и вносил записи. Говорил он скупно. Его лицо было каменным и холодным, брови напряженно выгнуты. Выглядел он так, будто какой-то драгоценный шанс уходил из его рук. Все слова, не относящиеся к работе, игнорировал. Лишь тогда, когда смеялись все, он коротко улыбался – и опять возвращался к делу. Исмаил придвинул один из стульев и сел рядом с ним.

– Как дела, господин Сафар? Бог в помощь.

– Спасибо, сосед!

Он быстро взглянул на Исмаила и опять – за работу. Писал он, сильно нажимая ручкой на бумагу, точки ставил толстые и крупные. Почерк его был ясным и отчетливым.

– Я хочу дать тебе один совет.

– Пожалуйста, слушаю вас.

– Отлично. Если хочешь знать мое мнение, тебе лучше работать, не разгибаясь, зря время не тратить. Хедаяти работает уже больше десяти лет, должен бы пойти на повышение, но нет, остается на месте, без движения, и Харири напрасно старается, только головную боль себе наживает.

– Каким образом?

– Позже сам поймешь.

Исмаил украдкой взглянул на Харири. Тот все время молчал, однако в молчании его чувствовалась какая-то тревога и растерянность, не похожая на усердие и внимательность в работе. Вместе с тем, он казался добрым и мягкосердечным; особенно благодаря той горестности, которая, как невидимый ореол, окружала его.

– Мне кажется, он хороший человек.

– Хорош-то хорош, да и оставь его, нам что за дело. Каждый должен о себе думать.

– Тебе нравится эта работа?

– Мне никакая работа не нравится. Я стремлюсь к тому, чтобы благосостояние было нормальным. А в этом филиале я не останусь. Каким угодно способом, но переведусь в филиал возле базара. Там клиенты денежные все, не то, что здесь, сто-двести туманов снять-положить. Там счета – свыше миллиона. Познакомлюсь с ними, займусь торговлей. Вообще банк сам по себе не важен, да и торговля тоже. Деньги важны. Человек должен нюхом чувствовать, где деньги, и туда стремиться. А то, что тут, мне не подходит. Прилепились к железной дороге... Это место ссылки, как край света, сюда посылают тупых и неудачников, я тут не останусь. Нет, не останусь!

Он замолчал. И тут же сильно сжал свои бледные, палевого цвета губы. Его каменное лицо стало еще холоднее, чем прежде. Он вел себя так, словно рядом с ним никого не было, и говорил, не разжимая губ. Руки его были белыми, пальцы – длинными и костлявыми, ногти – круглыми и коротко обрезанными.

Исмаилом овладела тревога, даже руки задрожали. Каменный, холодный мир Сафара испугал его. От его собственного мира отстоял он на многие мили. И Исмаил был неспособен шагнуть в эту страшную и жестокую, угрюмую вселенную. Сам он принадлежал к тому миру, центром которого была кофейня Али-Индуса и та индийская актриса с ее красивой родинкой и изящной улыбкой.

– Парень, иди деньги считать!

Голос Хедаяти привел его в чувство. Он медленно поднялся и подошел к Хедаяти. Опять сел на тот же стул и занялся пересчетом.

– Что он говорил?

– Ничего особенного, о банке и тому подобное.

– Он парень сообразительный, учись у него. А теперь считай так внимательно, как можешь!

И он считал, заставляя себя и мучаясь.

Когда, ближе к вечеру, рабочее время кончилось, он навел порядок на своем столе, пошел в буфетную, снял там галстук и повесил его на вешалку. Расстегнул воротничок рубашки. Накинул пиджак на руку. Попрощался со всеми и быстро вышел из филиала. На улице вздохнул наконец глубоко. Ступил несколько шагов – и почувствовал легкость, захотелось бежать и даже лететь. Автоматически он пошел в сторону железной дороги. Невдалеке от нее был небольшой ручей с черной, как смоль, водой, несущей с собой ил и грязь. Рядом с ручьем к железной дороге склонился старый ясень с перекрученными ветвями без коры. Несколько мальчишек, закатав штаны на бедра, бродили в воде ручья, отыскивая монетку или бусину, или еще какие-нибудь потерянные вещи. Мальчишки были черные и худые, на груди и меж коротких волос головы у них блестел пот. Исмаил прошел мимо них. Дошел до будки стрелочника. Старик был на месте. Сидел в своей будке на лежанке и смотрел в окно. Исмаил проследил за его взглядом: старик наблюдал за вороной, взгромоздившейся на ветку ясеня, и за мальчишками, возившимися в иле и грязи ручья.

– Салям.

Тот повернулся и смотрел на Исмаила. Вначале не узнал его. Потом удивленно спросил:

– А где же галстук ваш?

– Оставил его в сейфе банка.

– Хорошо сделали, там он не пропадет.

– Да, еще и интерес набегит.

– Что?

– Так, ничего.

– Слава Аллаху, вы – господин с перцем.

– Как скажете. Это вы мне утром перца подсыпали. А я сейчас зашел спросить, как ваши часы – идут?

Стрелочник посмотрел на часы и сказал:

– Работают, я их завел.

– Для того и зашел, чтобы спросить.

– Пожалте чайку!

– Спасибо, я пойду.

И он вышел из будки. В конце железнодорожных путей солнце опускалось в клубы пыли и дыма. Он пошел в ту сторону. Пошел сперва по шпалам, ступая на одну шпалу за другой, правой ногой, левой, правой, левой – не пропуская ни одной. Шел и считал. Смотрел под ноги. И быстро-быстро переступал, стараясь не пропустить ни одной шпалы, словно он считал купюры. Досчитал до тысячи. Утомился. Из-за того, что все время смотрел под ноги, голова кружилась. Больше он не считал. Поднял голову. Ручей, полный ила и грязи, все так же тек неподалеку от рельс. Тут и там его закрывал тростник или высокая дикая трава. Порой он встречался взглядом с удивленным прохожим, идущим ему навстречу между двумя рельсовыми путями. Они исподлобья смотрели друг на друга и расходились, каждый своей дорогой.

Исмаил решил пойти по самому рельсу. Идти по тонкой и гладкой стальной полосе было тяжело, особенно в этих туфлях с новыми скользкими подошвами. Он пытался идти по правому от себя рельсу, но не удержать было равновесия. Он перекидывал с места на место пиджак, который нес на руке, извивался всем телом, но одна нога все время срывалась. Чуть позже он понял, как держать равновесие, и двинулся вперед. Дальше одного шага от себя он ничего не видел. Старался не упасть с рельса. Говорил себе: если упаду, сгорю. А я не хочу гореть! Опустив голову, он с трудом, но упорно двигался вперед. Гореть не хотелось. Хотелось победить, пусть даже он вновь превратится в ребенка, который только учится ходить, пусть он еле ковыляет и ползет, как черепаха. Он ничего не слышал и не видел вокруг себя. Уставившись на стальную полосу, работая напряженными мышцами ног, он двигался вперед. Он не знал, сколько прошел, и понятия не имел, докуда хочет дойти. Хотелось все идти и не сгореть.

И в это время он почувствовал, что земля под его ногами дрожит, рельс ходит вверх и вниз. Он остановился, чтобы не упасть, и вдруг услышал рев, громкий и угрожающий, у себя за спиной. Он обернулся. Локомотив зеленого цвета с горящими огнями был в нескольких шагах от него. Громкий и протяжный гудок локомотива, его сияющий режущий свет и земля, которая сильно колебалась под его ногами, – все это повергло его в смятение. Он мгновенно бросился прочь с рельс. Поезд прошел мимо, локомотив своим громким гудком словно кинул в него всю ту ругань и оскорбления, которые имелись у машинистов. Земля все колебалась. Звук вибрации рельсов и грохот вагонов были душераздирающе громкими. Через некоторое время вагоны закончились. Поезд ушел, однако земля под ногами все еще дрожала и гудок все так же потрясал душу. Он добрался до зарослей высоких тростников возле ручья, бросил пиджак на траву и развалился на нем. Несколько раз глубоко вздохнул. Неприятный запах раздражал – но несколько диких белых лилий возле ближнего берега ручья своими раскрытыми лепестками ловили лучи заходящего солнца.

Глава 5

Через несколько месяцев он освоился в филиале. С первой зарплаты купил в рассрочку телевизор «Шахаб-Хитачи» с экраном 24 дюйма. Больше всех радовался Махбуб: теперь по вечерам ему не надо было идти в кофейню Али-Индуса и втискиваться между мальчишками на эту расшатанную деревянную скамью для того, чтобы смотреть мультфильмы. Теперь он мог это делать дома, а кроме мультиков смотреть и кинофильмы, и сериал о Мораде-молниеносном.

В тот вечер, когда появился телевизор, мать насыпала руты в кадилъницу и зажгла ее. Окурила телевизор «Шахаб-Хитачи». Потом на стену над телевизором повесила ветку верблюжьей колючки с шипами, от сглаза и злых духов, и сложенную молитву-талисман спрятала под телевизор. Продавец телевизора был из клиентов банка. Он выписал общий счет на четыре тысячи туманов: пятьсот туманов сразу, остальное частями, по триста в месяц. Хорошие были условия, и платеж не очень чувствительный.

За несколько месяцев, когда Исмаил получал зарплату, в доме изменилось многое. Мать купила и поставила на кухне маленький холодильник, обновила себе чадру. Подумывала о ковре, чтобы заменить им истертый дешевый палас комнаты. Сердце ее потеплело. Сил прибавилось. Она говорила, что земля теперь из-под ног ее не уходит. И Исмаил был доволен тем, что своей работой он дал матери чувство спокойствия и сердечное тепло. К работе он привязанности не имел. Он уходил из дома утром, возвращался к вечеру. Подремав немного, шел в кофейню Али-Индуса. Встречался с друзьями. Гулять и ходить в кино стало для него делом обычным. Он смотрел все новые фильмы. Недавно побывал и в театре, и этот опыт приобрел. Книги он теперь читал со спокойной душой: какая понравится ему, ту и покупал. Теперь уже он не должен был, как раньше, поедать глазами руки Ильяса, приносившего ему книги. Читал он по большей части в кофейне. Если там становилось слишком шумно, шел в подсобку Али-Индуса и читал в ней, а если уставал, смотрел на большую фотографию индийской актрисы, и иногда вместе с ней улыбался.

От Хедаяти он услышал о предстоящем приеме у главноуправляющего банка.

– Не знаешь ты еще, парень, как это здорово! Все, что душе твоей угодно, кушай; салаты, жаркое, мороженое, вино – все, что хочешь. Как гласит пословица, от птичьего молока до человеческой души!

Солеймани и Харири тоже говорили о приемах прошлых лет как о запомнившихся, приятных вечерах. А Сафар, как и Исмаил, ни одного приема еще не застал.

Однажды к вечеру, закончив работу, они вымыли руки и лица, аккуратно причесались и на двух машинах отправились в клуб банка, находящийся в Шамиране⁵. Харири вез Хедаяти и Исмаила, потому что и возвращаться им было в одну сторону. Сафар поехал вместе с Солеймани. Хедаяти сказал:

– Этот молодой человек – очень умный: сел с директором филиала, очаровывать его будет!

Исмаил сел на заднее сиденье. Машина Харири была марки «Пежо», старая и выдавшая виды, но аккуратная и чистая, как и сам он, имеющий внешний вид – волосок к волоску и заботящийся о том, чтобы цвет сорочки подходил к пенсне.

Когда подъехали к банковскому клубу, уже стемнело. Харири припарковал машину под громадной чинарой возрастом в несколько сотен лет, и все трое пошли в сторону клуба. Издали был виден свет в дверях клуба и само его освещенное здание, напоминающее бельведер. Хедаяти откашлялся и произнес:

⁵ Шамиран – район на севере Тегерана.

– Вот оно, здесь же было в прошлом году!

Его голос слегка дрожал. Двое служителей в одинаковой одежде стояли с двух сторон двери по стойке «смирно». Хедаяти предпочел отстать, а вперед подтолкнул Харири.:

– У тебя класс выше. Иди первым!

Харири пошел впереди. Служители поклонились ему, и он вошел в двери, после него – Хедаяти и затем Исмаил. Внутри, в глубине вестибюля, в дверях главного зала стояло несколько пожилых, видных мужчин, выглядящих как аристократы, с седыми волосами и пронзительными взглядами. Хедаяти, увидев их, невольно произнес:

– Вай, Боже мой, это сам главноуправляющий...

Нервноничая, они подошли. Первый из мужчин, улыбающийся особенно значительно – глаза его сверкали от переполняющей его радости – был главноуправляющий банка. Он тепло здоровался за руку с приглашенными. Харири и Хедаяти пожали ему руку и прошли. Исмаил чуть отстал. Главноуправляющий протянул ему руку и мягким голосом произнес: «Подходите, молодой сотрудник!»

Его седые усы шнурком, под влиянием улыбки, успокоительно растягивались. Исмаил вложил свою руку в его руку. До сих пор он не пожимал рук людям такой влиятельности и достоинства. На миг они взглянули друг другу в глаза. Рука главноуправляющего была мягкой. Ее тепло было приятным. В то же время, в тот миг, когда он сжал руку Исмаила, по его лицу прошла волна уверенности в себе, переходящей в чувство высокопоставленного владычества.

Исмаил и другие вошли в большой зал, в котором вокруг столов были расставлены стулья. Позади столов, в мягком свете, по сторонам зала виднелось множество народа. Вдоль одной из стен зала тянулось возвышение, высотой примерно в метр, на котором выстроились различные кушанья, иранские и иностранные. Под этим возвышением местами горел огонь, своим мягким пламенем подогревая еду. Здесь были самые разнообразные салаты, сладости, желе и напитки, глаза разбегались. Взгляд Хедаяти, завидевшего это, заблестел, он сказал: «Я пошел вперед, да и вы не мешкайте, смелее!» – и он ушел, не оглядываясь. Продвинулся в сторону возвышения с едой и вскоре исчез из вида. Исмаил с Харири, хотя и медленно, двинулись в ту же сторону.

Чем ближе к столу, тем многолюднее становилось. Тут уже стояли плечом к плечу, толкая друг друга. Те, кто положил себе еды, отходили и начинали есть. Торопливо глотали то, что запикивали в рот. Некоторые от усердного глотания покрылись потом. Исмаил так засмотрелся на это, что потерял Харири, тот тоже исчез. Теперь Исмаил был один и никого не знал вокруг. Все поглощали пищу, глядя по сторонам захмелевшими, немного влажными глазами. Лязг ложек и вилок наполнял зал. Ни Солеймани, ни Сафара также не было видно. Когда открылся подход к возвышению с едой, Исмаил взял себе тарелку и положил в нее немного салата. Сразу отошел в сторону. Нашел спокойный уголок и начал медленно есть. Запах еды смешивался с ароматом одеколона и с мягкой западной музыкой.

Шло время, и спадал шум вилок и ложек. Животы округлялись на глазах. Вместе с тем некоторые еще, ради забавы, хотя и уже пресытившись, продолжали двигать челюстями, бессмысленно глядя вокруг. В это время подошедший к микрофону человек пригласил гостей перейти в другую часть зала, где ровными рядами были расставлены кресла. Сотрудники банка потянулись туда. Появился и Харири. Его щеки расцвели, а глаза блеснули. Он спросил Исмаила со смехом:

– Как, хорошо пришлось?

– Прекрасно!

Харири взял его под руку и потащил за собой.

– Пойдем, сядем на хорошее место.

Они нашли себе места и сели рядом. Исмаил спросил:

– Не видели господина Солеймани и Махраджа?

– Вон они, сидят перед председателем совета директоров.

Исмаил посмотрел туда, куда показал Харири. Увидел затылки обоих. Сафар, как всегда, сидел строго прямо. А голова Солеймани была вровень с его плечом. Он казался немного расплывшимся и приплюснутым. Харири низко опустился в своем кресле и пробормотал:

– Как они сдружились, а мы и не ведали...

В это время на трибуну вышел главноуправляющий. Все замолчали. Несколько мгновений он стоял, не говоря ни слова, и смотрел на сидящих. Кроме звуков кое-где передвигаемых стульев, ничего не было слышно, словно все задержали дыхание. Главноуправляющий откашлялся и медленно сказал:

– Вот уже недели и месяцы я, старик, жил в нетерпеливом и страстном ожидании этого дня. Я жаждал дня, когда большая и гордая семья нашего банка вот так тепло и искренне соберется под одной крышей, я на дрожащих ногах поднимусь на трибуну и своими ослабевшими глазами посмотрю на вас. И вот я смотрю тем взглядом, которым дедушка, постаревший и ослабевший, в последние годы жизни смотрит на своих потомков. Хотя сегодня я чувствовал недомогание и прибыть на встречу с вами мне было тяжело, все-таки я сказал себе: оставь больничную койку и приходи на собрание дорогих людей – может быть, уже в следующем году ты не сможешь быть с ними. И вот я приехал, чтобы сказать: я люблю вас всем сердцем.

Он отошел от микрофона. Несколько раз кашлянул. Вытянул бумажную салфетку из коробки на столе и медленно вытер ею губы. Потом опять подошел к микрофону и, прижав руку к груди, сказал:

– В тот день, когда я закладывал первый камень в основание этого банка, я был так же молод, как вы сейчас, сердце мое было здорово. Сегодня я уже не таков, как был прежде, сердце больное, и говорить мне трудно, но я счастлив, что, хотя я отдал свое здоровье, взамен я вижу эту величественную картину. Теперь мы стали могучим деревом, наши ветви раскинулись далеко и широко, а корни глубоко внедрились в землю. Никакой ветер и буря не повалят нас. Буду ли я рядом с вами или нет, я спокоен. У меня есть к вам только одна маленькая просьба...

Он замолчал. Никто не произносил ни слова.

– Просьба старика-отца, который, возможно, не доживет до следующего года и которого уже не будет на следующем таком событии рядом с вами...

Опять все замолчали. Присутствующие задержали дыхание. Некоторые всхлипывали.

– Я не скажу «враги», но скажу – «конкуренты» – их у вас много, и они хотят обойти нас. Так сделайте все, чтобы не сдать и не отступить. Это завещание вам вашего старого отца. Достаточно сказать, что, если бы я имел прежнее здоровье, я бы выпил за ваше здоровье. Увы, врачи мне запрещают, но вы – выпейте. Веселитесь и радуйтесь. Радуйтесь – и пусть так будет всегда...

В этот миг в переднем ряду встал один из молодых сотрудников банка, покачиваясь, подошел к главноуправляющему и жадно, страстно начал целовать его руки. Растерявшись, главноуправляющий отнял руки и спрятал их за спину. Тогда сотрудник бросился ему в ноги и стал тереться лицом о сверкающие туфли главноуправляющего, и плакать, и реветь, словно ребенок. Многие встали с мест, чтобы видеть эту неожиданную сцену. Один из служителей подбежал к трибуне, чтобы остановить молодого сотрудника. Но главноуправляющий поднял руки и сказал:

– Нет, не вмешивайтесь, отойдите! – потом он нагнулся и, взяв сотрудника за плечи, поднял его с пола. – Что ты, что ты, мальчик мой? Зачем ты целуешь мне руки и ноги? Это я должен целовать твои руки за то, что ты трудишься.

И он быстро поцеловал его руку. Молодой сотрудник, не ожидавший этого, рыдал, всхлипывая. Видя это, некоторые также начали плакать. Главноуправляющий, держа руки молодого человека в своих руках, подошел к микрофону и сказал:

– Я не согласен, чтобы праздничный пир превратился в траурную церемонию. Пейте за здравие и веселитесь.

Он поцеловал молодого сотрудника и быстро отошел в другую часть зала, туда, где собралось и ждало его общее руководство и региональные руководители.

После того, как отошел в сторону главноуправляющий, рассыпались по залу и другие, и настал черед веселья и развлечений. Люди не знали меры и потребляли горячительного больше, чем могли вместить. Неизбежно многих стало рвать – и в передней части зала, и в задней, и в туалетах. В этой части программы Исмаил не участвовал и вскоре собирался уходить. Его выбором стал желтый лимонад, который напоминал ему о кофейном заведении Али-Индуса: там, когда его мучила жажда, он часто шел к холодильнику, брал желтый лимонад и тут же, на месте, пил. А иногда шел в подсобку, снимал обувь, садился, прислоняясь к стене, смотрел на индийскую киноактрису и мелкими глотками пил желтый лимонад, охлаждался.

Кто-то сильно ударил его по спине. Он повернулся. Это был Сафар, с разругавшимися щеками и горящими глазами.

– Ну как, парень из квартала, хорошо идет?

А потом, когда увидел в руках Исмаила стакан с желтым лимонадом, отпрянул, нахмурился и с тягучим акцентом спросил:

– Деревенщина, тут все есть, а ты лимонад пьешь? Боишься хлебнуть?

– Нет, парень. Но я столько налил, что сверх этого мне и не выпить.

– Ага. Лентяй, значит.

...Харири ждал его около двери. Они вместе с Исмаилом вышли на улицу. Навстречу им поспешил ночной ветер с гор и завладел их обонянием. Харири вытер платком пот со лба и глубоко вздохнул:

– Вай, вай! Какой воздух, мертвеца оживит!

Исмаил посмотрел на небо. Между ветвями и густой листвой чинары звезды сияли безжалостно. Ветерок мягко толкал ветки, и единственная горлинка душераздирающе печально пела свою песенку. Они подошли к машине. Вокруг нее крутился Хедаяти. Харири спросил:

– Что ты делаешь, Хедаяти?

– Дверца куда делась? Нету!

– Как нету, есть! Сейчас открою, один момент подожди!

Он открыл ключом дверь водителя. Сел. Потом открыл дверь с пассажирской стороны, потом заднюю, и дал знак Хедаяти садиться в машину. Хедаяти сел медленно и тяжело. Сел и Исмаил. Харири завел двигатель, и они поехали. Хедаяти вполголоса напевал. Исмаил сказал:

– Вроде как все прошло очень хорошо, правда?

Хедаяти повернулся и горящим взглядом посмотрел на него.

– Еще бы не правда, еще бы не хорошо, мои ноги как будто не по земле шли, а по небу. Знаешь, чего моя душа сейчас желает?

– Чего желает?

– Душа моя желает прямо сейчас, если б была тут большая река, раздеться догола, только в трусиках остаться, и прыгнуть в воду. Ай, хорошо как!.. Когда, помню, жил в деревне, все время купался, но никогда не раздевался совсем. Боялся мальков рыб. Они тебе все причинное место обгрызут, защекочат. Всегда нырял в трусиках и плавал.

И он начал движениями рук и рывками ног показывать, как плавает в реке. Потом представил, будто рыбки заплыли между его ног и начали его щекотать. Он громко, раскатисто захохотал, потом запел, потом заговорил:

– Нет, нет! Нет, не так. Девочки молоденькие, отпустите меня, черт, пальчиками не щекочитесь!..

Харири со смехом сказал:

– Ну ты даешь, старина, сейчас сворачиваю налево, чуть спокойнее, пожалуйста.

– Харири, душа моя, не понимаешь ты. Я тут не виноват. Это они ко мне в штаны залезли!

– Очень хорошо, постепенно освобождайся от них!

Тот помолчал. Машина неслась по пустынным улицам на предгорном севере Тегерана, спускалась к центру города. Сквозь открытые окна налетал ветер и бешено вихрился в кабине. Хедаяти вскинул руки и ослабил узел своего галстука.

– Я заткнулся. Черт, словно осла взнуздали. Нет, нет, осел – это хорошо, мамочка моя нежная, я умру за осла. Теперь за здоровье ослов громкими голосами поревите!

И он начал низким голосом, а потом высоким голосом издавать протяжный рев, и громкий, и долгий. Харири так смеялся, что слезы выступили, потом сказал:

– Хедаяти, ты с таким голосом должен был оперным певцом стать. Жаль, что тебя не открыли!

Хедаяти, замолчав, откинулся на подголовник сиденья. Исмаил смотрел на его голову, большую и бесформенную. Она напоминала тыкву – была с каштановыми редкими волосами и с кожей в пятнышках, шишечках и с капельками пота, выступившими на ней. От Хедаяти шел запах, резкий и тошнотворный. Исмаил, передвинувшись, сел позади кресла водителя и в зеркале нашел лицо Харири, внимательно следящего за дорогой. Он быстро гнал машину. Хедаяти проснулся от сильного ветра. Протяжно зевнул.

– Харири, душа моя, далеко еще ехать?

– Уже недалеко.

– У меня есть время спеть одну песню?

– Пой, дорогой Хедаяти, пой столько песен, сколько душе твоей угодно!

Хедаяти начал петь. Тут было все, от новомодных шлягеров до старинных песен. Он из каждой выхватывал одну строку или куплет, потом бросал. Пел он кое-как и без всякого смысла. Харири через зеркало посмотрел на Исмаила и засмеялся. Прошло несколько минут. Хедаяти замолк.

– Харири, душа моя, еще не приехали?

– Нет, еще не приехали.

– А-а-ах! До чего длинная эта дорога – как подштанники моей бабушки, сколько ни тяни, еще столько же останется. От того конца до этого – ух, растянули!.. – потом он обернулся на Исмаила и сказал: – Ага, а я и забыл. Ну-ка иди сюда, работа есть тебе.

– Какая работа?

– У меня бабушка вдова – женись на ней. Ни приданого не возьмет, ни калыма не надо, ни расходов на свадьбу. Все для тебя абсолютно бесплатно, прямо завтра идем и оформим все. И в добрый час! Если согласен, то по рукам! – и он протянул свою белую мясистую руку. – Соглашайся – не пожалеешь. Расходы на регистрацию тоже за мной, не хочу, чтобы ты бросал деньги на ветер.

Исмаил рассмеялся и пожал ему руку.

– Господин Хедаяти, так дела не делают, вы меня врасплох застали. Да что там, потрясли. Разрешите, я подумаю и позже отвечу.

– А о чем тут думать? Брачный договор подписывай – и вперед. Вон посмотри на Харири: тощий, как жердь, не поймешь, в чем душа держится, и с такими мощами взял себе двух жен. Одну ночь с одной, другую с другой. Я последнее время опасаюсь, что они ничего от него не оставят. Но выкладывается он изо всех сил. А ты боишься с одной старушкой не совладать. Эх, паренек, доколе будешь спать один? И красавец ты, и положительный, профессия есть и кусок хлеба – значит, все у тебя есть. Так чего ждешь? Подписывай – и работай себе.

Харири, хмурясь, спросил:

– Речь уважаемого подошла к концу?

– Как видишь, подошла!

– Твои расчеты какое отношение имеют к моей семье? Если есть желание, сам возьми еще жену. Если на то пошло, вместо одной трех возьми, а зачем, если уж мне позволено будет высказаться, тыкать мне в глаза моей семьей?

– Я не хотел, Харири, душа моя, ты ведь все по шариату делаешь. Да нарастет мясо на костях твоих. Теперь скажи мне, далеко еще ехать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.